Корпоратив королевской династии

Автор:
Дарья Донцова

Корпоратив королевской династии

Дарья Аркадьевна Донцова

Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант #40

В долгожданном отпуске Лампа Романова решила ознакомиться с достопримечательностями скандинавского замка Олаф. Он был построен в XIII веке и сохранился в почти первозданном виде. Туристов встретила хозяйка замка и сообщила о том, что они удостоены чести принять участие в юбилейном, сотом бале Олафа. Вот тут и начался шквал загадочных событий. Во-первых, выяснилось: все члены тургруппы не те, за кого себя выдают. А во-вторых, любительница острых ощущений и невероятных приключений Лампа получила их сполна на свою… голову. Не только члены ее группы, но и обитатели замка оказались с двойным дном и не со своим лицом. Лампа преуспела в разоблачениях самозванцев, среди которых были и мстители, и наркодельцы, и сыщики, и преданные слуги…

Дарья Донцова

Корпоратив королевской династии

© Донцова Д. А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Глава 1

Много макияжа на лице и мало одежды на теле свидетельствуют о том, что красавица давно занимается безуспешной охотой на принца.

– Евлампия, как вы думаете, Арсений женат? – спросила Софья, шагавшая вместе со мной по коридору.

– Судя по оторванной пуговице на рубашке и весьма грязной куртке, думаю, нет, – ответила я, стараясь не рассматривать свою спутницу в упор.

Но глаза не желали мне подчиняться, они сами собой уставились на Софью, и я впала в недоумение. Ну зачем вполне симпатичная тетушка намалевала на верхних веках жирные черные полосы, а над ними до самых бровей нанесла золотые перламутровые тени? Краска забилась в мелкие морщинки, и очи моей спутницы стали похожи на глаза хорошо пожившей черепахи. Прибавьте к этому истошно-розовый румянец, тональный крем цвета перезревшего персика, пудру, напоминающую рисовую муку, морковную помаду и поймете мое удивление. Одежда Софьи тоже вызывала оторопь. Ярко-зеленая кофточка из странного материала, смахивающего на латекс, с очень глубоким вырезом, из которого высовывалась грудь, поднятая лифчиком пуш-ап. Желтая мини-юбка, темные колготки, похожие на крупноячеистую рыболовную сеть, белые лаковые ботфорты с золотыми носами и каблуками, утыканными стразами, довершали образ. Иногда в каком-нибудь торговом центре я вижу в витрине подобную обувь и всякий раз думаю: интересно посмотреть на человека, который ее купит. Кто он? Конечно же, это будет мужчина, не разбирающийся в моде и не обладающий хорошим вкусом, но искренне желающий угодить своей любимой, ни одна женщина не станет приобретать такой китч. И вот вам, пожалуйста, Софья Гурманова, сорока лет, незамужняя и бездетная, сейчас вышагивает в этих страшно красивых сапожках.

– Может, у него супруга ленивая, – вздохнула Софья, не подозревавшая, какие мысли бродят в моей голове. – Изнываю от желания узнать, свободен Арсений или нет. Хочется в паспорт к нему заглянуть. Но как его раздобыть?

– В загранпаспорте штамп не ставят, – напомнила я.

– Ой! Правда, – загрустила Гурманова, – вот не повезло! Один свободный парень на всю группу, но не ясно, каков его статус. О! «Фейсбук»! Вот где вся правда зарыта!

Я попыталась остудить пыл Софьи.

– Не стоит доверять соцсетям. Я знаю одну девушку, она выискивает на улицах припаркованные роскошные автомобили, делает около них селфи, а потом выставляет фото напоказ с комментарием: «Любимый опять подарил мне машинку!» Еще она обожает сниматься на фоне входа в дорогой пафосный ресторан или забежать в магазин, накинуть в примерочной одежду от известного бренда и отправить снимки на всеобщее обозрение, снабдив их словами: «Не заказывайте здесь креветки, они бее» или: «Брать или не брать платье? Вроде я в нем толстая». Результат ее акций: машины у нее как не было, так и нет, даже самая простая малолитражка остается только в мечтах вруньи, в элитных трактирах она не ужинает, одежду приобретает в Интернете на сайтах, которые торгуют подделками известных марок, но абсолютное большинство подписчиков считают ее богатой и донельзя крутой. В «Фейсбуке» много вранья.

– Арсений не такой, – бросилась на защиту избранника Соня.

Я, уставшая от хождения по длинным коридорам, остановилась.

– Откуда вы знаете? До сегодняшнего утра никто из туристов друг о друге даже не слышал. Мы все познакомились во время посадки в самолет.

– Арсений не похож на идиота, и он красавец, – пылко произнесла Соня, – если у него есть постоянная баба, то в аккаунте будут фотки с ней, а в профиле он укажет «женат» или «в отношениях».

– А если он напишет: одинок, ищу пару? – усмехнулась я. – А у самого шестеро детей и супруга.

– Так она может зайти в аккаунт, увидит, что дорогой-единственный под свободного косит, и вмажет ему с разбега, – не сдавалась Гурманова. – Я бы так поступила, а ты?

Я пожала плечами.

– Зачем выяснять отношения с тем, кто тебя не любит и не уважает? Надо просто уйти, и все.

– Ага! И отдать своего мужика другой? – рассердилась Соня. – Ну уж нет. Что мое, то мое, и оно должно всем сообщить, что оно мое! Вау! Тупик! Стена!

– Действительно, – пробормотала я, разглядывая кладку из грубо обтесанных камней.

– Заблудились! – испугалась Софья.

Я вынула из кармана брюк листок бумаги.

– Мы шли по плану. Похоже, мы находимся вот тут, свернули не в ту галерею, надо было идти налево, а я двинулась направо. Давайте вернемся.

– Я предупредила, что не умею разбираться в чертежах, – заныла Софья, – ни фига в них не понимаю. Поэтому и прилепилась к тебе.

– Сама не умею читать карту, – призналась я, – но схема, которую я нашла в своей комнате, очень простая. Смотри, это коридоры, тут…

– Ой, ой, – замахала руками Гурманова, – не начинай! Лучше просто приведи меня куда надо.

– Ладно, – согласилась я, – разворачиваемся.

– Холодно тут, – поежилась Соня, – чего они отопление не включают?

– Его здесь нет, – пояснила я.

– Совсем? – вытаращила глаза спутница. – Но ведь мы не в Африке находимся. Сейчас март, а у них на улице снег сыплет. Как жить в таких условиях без батарей?

– Здание построено очень давно, тогда не было отопительных систем, – сказала я. – Не знаю, как тысячу лет назад население грелось, наверное, с помощью каминов, разных очагов, печей.

– Жуть, – дернула плечами Соня, – но сейчас-то двадцать первый век, следовало о тепле позаботиться. Почему хозяева замка ледник устроили? У меня зубы замерзли, желудок заледенел.

– Сейчас познакомимся с владелицей замка, и ты задашь ей эти вопросы, – пообещала я.

– Странно тут как-то, – вздохнула Софья, – пока мне здесь не нравится. А тебе?

– Я только приехала и еще не успела разобраться в своих ощущениях, – ответила я. – Никогда не жила в столь древнем замке.

– Ты как сюда попала? – спросила Гурманова, вынимая из кармана телефон. – Я состою уже семь лет в клубе «Путешествия не для всех», люблю ездить по необычным местам, но здесь как-то неуютно. Ну вот! Ни связи, ни вай-фая. Хорошо, что заметки просто так открываются. Помнишь, как место называется, где мы находимся?

– Замок Олаф, – пробормотала я.

– А город? – засмеялась Софья. – У него кошмарное название. С трезвых-то глаз не произнести, а с пьяных еще сложнее.

– Не могу выговорить, – призналась я.

– Вот-вот, – продолжала Гурманова, – со мной та же история, поэтому я записала, слушай. Гардсардрундъюборг, сокращенно Гард. Раз ты с нами в одной группе, значит, тоже член клуба «Путешествия не для всех»? У тебя сколько жетонов? Платиновые есть?

– Мой муж выполнял заказ для основателя и владельца этого клуба, – ответила я. – Владимир Николаевич решил отблагодарить Макса за отлично сделанную работу, подарил ему эту поездку, сказал: «Получите потрясающие впечатления, увидите уникальный замок, воспоминания на всю жизнь останутся».

– Свезло, – с легкой завистью произнесла Софья, – хотелось бы мне с Владимиром Дутовым скорешиться. Но я сама за отдых плачу. В клубе работает накопительная система бонусов. Вступаешь в него, получаешь десять серебряных жетонов, за каждую поездку, участие в конкурсах, выкладывание описаний поездок на сайт идет прибавление. Сто серебряных жетонов равны одному золотому, насобираешь пятьдесят штук последних, заслужишь платиновый и за десяток таких получишь в подарок путешествие по собственному выбору на неделю. Я собрала их и получила поездку в Олаф. А где твой супруг?

– К сожалению, он не смог полететь, – вздохнула я, – мы приехали в аэропорт, и тут ему позвонили с работы. Форс-мажор.

– А-а-а, – протянула Гурманова, – ясно.

Некоторое время мы шли молча, потом Софья остановилась.

– Нам тут вместе неделю жить. Давай перейдем на ты. Перестань мне выкать. Согласна?

– Конечно, – улыбнулась я, – лучше сразу подружиться.

Мы прошли еще немного вперед, и Гурманова вновь притормозила.

– У вас с мужем хорошие отношения?

– Зачем жить вместе, если плохо друг к другу относишься? – резонно заметила я.

– Телефон его проверяешь? – не успокаивалась моя спутница. – Эсэмэски читаешь, которые ему присылают? На работу в кабинет звонишь по городскому телефону? Некоторые бабы мобильным воспользуются, спросят: «Милый, ты где?» А он соврет: «В офисе тухну над отчетом». А сам с другой в койке

валяется. Сотовый-то к одному месту не привязан.

Я сделала вид, что внимательно изучаю план. Не стоит рассказывать Гурмановой о возможности переадресации вызова со стационарного номера на мобильный. Некоторые люди давно пользуются этой услугой. Знаю я одну дамочку, которая часто лгала своему начальнику о плохом самочувствии. Сердобольный шеф разрешал больной остаться дома и, будучи заботливым человеком, пару раз в день звонил бедняжке в квартиру, чтобы узнать о ее самочувствии. «Умирающий лебедь» всегда откликался, а боссу и невдомек было, что подчиненная давно смылась в магазин, ее городской телефон переводил вызов на мобильник.

– Что? Призадумалась? – ухмыльнулась Софья. – Нынче с мужиками беда, мало их. Будешь клювом щелкать – уведут. Чего он там без тебя делает? Работает? Весь вспотел? Лучше всего прилететь на день раньше срока и свалиться неожиданно ему на голову. Сразу правду выяснишь.

Я положила схему в карман.

– Здесь направо, мы пришли.

– Я человек откровенный, – не замолкала Гурманова, – о чем думаю, то и говорю. Раз мы с тобой подружились, предостеречь тебя хочу. Ну с какой радости твой Макс лететь отказался? Да еще перед посадкой в самолет? А? Отвечаю. Хотел тебя подальше отправить, чтобы в твое отсутствие повеселиться. Уж так и быть, сообщу, кем работаю, хотя права не имею. Я начальница в очень серьезном месте, которое занимается розыском преступников.

– Да ну? – всплеснула я руками. – Вот это да! Прямо как в кино! Но сейчас ты на отдыхе, забудь о неверных мужьях, наслаждайся путешествием.

Соня надулась.

– Я не навязываюсь с услугами, не предлагаю: «Давай соберу информацию о твоем мужике». Хотя могу выяснить о нем все, включая цвет трусов.

– Ну, какое Макс белье носит, я прекрасно знаю, – не выдержала я, – сама ему исподнее покупаю.

– Это просто такое выражение, – сказала Гурманова, – имей в виду, я могу по-дружески помочь. Для тебя за услуги возьму недорого и сработаю на «отлично». Держи визитку.

– Спасибо, – пробормотала я, взяв карточку, щедро украшенную золотыми вензелями, с надисью: «Софья Гурманова. Член Всемирной организации. Ваши проблемы – моя работа».

Соня по-свойски похлопала меня по плечу.

– Не боись! Выведу на чистую воду любителя свернуть налево. Расстроилась? Ну извини, я такая. Если с кем дружу, молчать не стану. Небось все твои знакомые в курсе загулов Макса, но помалкивают. А настоящий друг в лицо истину выложит, даже неприятную. Нарывы вскрывать надо.

Вдали послышались голоса.

– Мы пришли, – обрадовалась я.

– Вон Арсений, – зашептала Софья, когда мы очутились в уютной гостиной, – около него пустое кресло. Пойду устроюсь рядом с ним. Не беспокойся. Не брошу тебя. Потом вместе погуляем.

Софья помахала мне рукой и поспешила туда, где сидел мужчина лет пятидесяти, в замшевом пиджаке и мятых брюках из фланели. Я посмотрела ей вслед. Господи, спаси меня от таких подруг, а от врагов я уж как-нибудь сама избавлюсь.

Глава 2

– Дорогие мои! – весело начала стройная женщина. – Как вы слышите, я прекрасно говорю на русском языке. Много лет назад мои родители

перебрались из Питера в скандинавский регион. Как вы знаете, он охватывает Скандинавский полуостров, полуостров Ютландия и прилегающие острова. Моя семья на одном месте долго не задерживалась, мы жили в Швеции, Норвегии, Дании, Финляндии, на островах Северной Исландии. Училась я в университете Клуне на историческом факультете, там и познакомилась со своим мужем Карлом Хансоном. После свадьбы мы поселились в родовом гнезде супруга, в крепости Олаф. Городок наш небольшой, жителей в нем меньше десяти тысяч. Но сюда прибывает множество туристов, потому что в окрестностях расположено пять открытых для посещений замков.
В Гардсардрундъюборге любят гостей, рады им, готовы оказать любую помощь. Как в любом регионе, который существует за счет туризма, население хорошо знает несколько иностранных языков: русский, английский, немецкий. Я не зря поставила русский на первое место, он считается здесь официальным. Почему? Подробный ответ на этот вопрос дам вам чуть позже во время одной из наших экскурсий. Скажу лишь, что много веков назад предок моего мужа Карла женился на знатной русской боярыне, которая прибыла в Гардсардрундъюборг со своими придворными и слугами. Город тогда был невелик, приезжих оказалось больше, чем коренных жителей. Статные русские девушки и юноши очень понравились их местным ровесникам, и вскоре здесь сыграли много свадеб. Вот с той поры и пошла традиция находить себе жену-мужа в России, привозить невесту-жениха из Питера, Москвы, других городов, посылать туда своих детей на учебу. Русским языком у нас владеют все без исключения, потому что его преподают в гимназиях как обязательный предмет. Поэтому вам будет комфортно. Обращайте внимание на наклейки, которыми украшены двери магазинов-ресторанов. Если там есть российский флаг, значит, вам, как гражданину России, положена скидка. Теперь о замке Олаф. Он не очень большой, но уникальный. Его возвел в тысяча двести девяностом году рыцарь Магнус, далекий прапра… предок моего мужа. И замок никогда не принадлежал другой семье, им владели только Хансоны. Остальные дворцы переходили из рук в руки, становились тюрьмами, потом опять жилыми помещениями. Олаф этой участи избежал благодаря тому, что Хансоны считали и считают его своей святыней, которую не продадут даже под страхом смерти. Кроме того, наш замок никогда не нес оборонительной функции, а метраж не позволял использовать его в качестве темницы. Ну и свою роль сыграла плодовитость женщин семьи Хансонов. Вплоть до начала двадцатого века они охотно рожали, дети появлялись на свет часто, среди них всегда было много мальчиков. Сейчас наши родственники рассеяны по всему миру, но мы поддерживаем с ними связь. Олаф никогда не перестраивался, он сохранил первозданный вид. Но, конечно, были проведены реконструкции. Последняя состоялась в двадцатых годах прошлого века, когда оборудовали санузлы с унитазами, до этого были

выгребные ямы на улице.

– А почему здесь так холодно? – поежилась Софья. – Батарей не видно!

Елена сложила руки на груди.

– Да, центрального отопления нет. Я называю Олаф маленьким, но это лишь по сравнению с другими дворцами. Расположенный в пяти километрах от нас замок Лагер имеет общую площадь шестьдесят восемь тысяч квадратных метров. Крепость Люде – семьдесят две тысячи. А Олаф всего сорок семь. Если кто бывал во Франции, то знайте, наш замок по общей площади равен резиденции французских королей Фонтенбло под Парижем. Для отопления такого пространства нужны большие средства. И зачем вешать батареи там, где никто не живет? Олаф находится в частном владении. Многие замки существуют за счет туристов, например, Брюгге начал впускать посторонних еще в конце девятнадцатого века, потом свои двери для обозрения распахнули другие замки. Но Олаф оставался закрытым. Карл неоднократно просил свою мать Мартину разрешить приезжим любоваться великолепием родового дворца. В Олафе есть коллекция живописи, уникальные камины, невероятной красоты светильники. Но Мартина всегда отказывалась, говоря:

– Олаф только для семьи.

Мартина лишь сделала экспозицию «Чудесное спасение» и пустила туда туристов. Но об этом позднее. После смерти матери Карл открыл двери Олафа. Мы с мужем первые Хансоны, которые решили показать людям неописуемую красоту внутренних помещений нашего дома. Крайне эгоистично наслаждаться ею в одиночестве. Но не все комнаты доступны для осмотра. В наши с супругом покои вход посторонним запрещен. Очень вас прошу, если увидите объявления «Служебное помещение» или «Личные владения», пожалуйста, не входите в двери, даже если они окажутся незапертыми. Мы с мужем слегка рассеянны и частенько забываем повернуть ключ в замке. Обычные экскурсанты передвигаются группой, они собираются в отдельно стоящем домике ресепшен, там их беру я или кто-то из других экскурсоводов. Но есть у нас особые посетители, те, кто приобрел тур с проживанием в Олафе. Вы можете в любое время беспрепятственно передвигаться самостоятельно по замку, изучать его, делать зарисовки и фотографии. Но, пожалуйста, помните про помещения, куда я просила вас не заглядывать. Олаф – музей, поэтому не пользуйтесь мебелью, не трогайте скульптуры, картины и другие предметы искусства. Посидеть

на старинном диване или попытаться примерить доспехи рыцаря можно только в северном крыле. Здесь все для вас: гостиная, столовая, библиотека, каминный зал и, конечно, ваши спальни.

– Они жуткие, – капризно перебила ее дама, кутавшаяся в соболиную жилетку, – крошечные, потолок на голову давит, холод эфиопский.

– В Эфиопии жара, – поправил ее Арсений.

– Все поняли, что я имею в виду. Удобства нулевые! В санузле с трудом кошка поместится. А окно! Щель! – продолжала туристка.

Елена улыбнулась.

– Вы правы. Я упоминала, что Олаф никогда не перестраивался. Малый размер жилых помещений, низкий потолок, узкие окна – все это ради сохранения тепла. Климат у нас суровый, холодный. Если кому-то категорически не понравились отведенные спальни, могу переселить вас в обычную гостиницу в городе. Но напоминаю, что члены клуба «Путешествия не для всех» хотят получить не стандартное туристическое впечатление, а нечто особенное. Олаф предлагает увлекательный экскурс в прошлое, полное погружение в реалии Средневековья, вы проведете неделю в обстановке четырнадцатого века. Сейчас уместно напомнить о кое-каких событиях тех времен. Образовалось ядро Османской империи, открыт университет в Кракове, состоялась Куликовская битва, в которой победил Дмитрий Донской, основан город Казань, на Руси появляется огнестрельное оружие… В библиотеке есть книга «Вехи прошлых лет», для любителей истории там много интересной информации. Вы будете питаться, как в древности, познакомитесь с бытом четырнадцатого века, мы устроим бал, на который вы придете в старинной одежде, станете благородными рыцарями и дамами. Не пугайтесь, работать на огороде никого не заставят. На кухню заглянете, только чтобы посмотреть, как готовят обед в старинном очаге. Но если кто-то захочет попробовать себя в роли пекаря-повара, пожалуйста. Мы выполним любые ваши пожелания.

– Если, не дай бог, я заболею, лечить меня ваш конюх станет? – опять вознегодовала дама в соболях.

Елена отреагировала спокойно:

– Нет, конечно, в городе есть прекрасно оборудованная больница. У нас был случай, когда одному туристу неожиданно понадобилась сложная операция. Его на вертолете доставили в кардиологический центр, где и оказали помощь в полном объеме. Сейчас он жив, здоров, поздравляет нас с праздниками.

– Надеть на себя жуткие тряпки? – не утихала тетка. – Щеголять в платьях, которые кто-то носил? Фууу! Никогда!

– Берут же люди напрокат театральные костюмы, – улыбнулась Елена, – естественно, одежда подвергается чистке. Если нет желания превратиться в благородную даму, то, пожалуйста, приходите на бал в своей одежде. Никаких ограничений для вас нет.

– Даже если я припрусь топлес и в стрингах? – заржала девочка лет пятнадцати.

– Галя, прекрати, – поморщился мужчина, сидевший рядом с ней.

– Пожалуйста, – кивнула Елена, – всем приятно посмотреть на красивое обнаженное тело. Но думаю, вам через некоторое время станет прохладно, поэтому прихватите накидку. А теперь давайте познакомимся. Евлампия Романова, учительница музыки из Москвы?

Я помахала рукой.

– Здравствуйте, лучше зовите меня просто Лампа. О мое имя язык сломаешь.

– Кирилл Григорьевич Ручкин, кандидат исторических наук, доцент московского вуза, его жена Валентина Сергеевна и дочь Галя, ученица десятого класса, – продолжала хозяйка.

– Рад со всеми познакомиться, – сказал Ручкин.

Его супруга заулыбалась, а дочка скорчила гримасу.

– Арсений Рурин, журналист, пишет о путешествиях, – не останавливалась Хансон.

Брюнет, сидевший рядом с Софьей, молча кивнул.

– Мария Лесина, художница. Андрей…

– Мэри и Андрэ Лесински, – перебила хозяйку замка недовольная всем дама. – Разве так звезд представляют? Мы создаем уникальные портреты авторским трансформативно-бессознательным методом. С помощью своих лечебно-гипнотических работ меняем судьбу и сознание человека. Получив свое изображение от Лесински, вы обретете счастье, гармонию, деньги и все прочее. Если появится желание приобрести наши работы, обращайтесь к Андрэ, моему мужу. Я выше финансовых дел, занимаюсь творчеством. Кстати, у нас с собой есть пара полотен, приносящих материальное благополучие. Советую их купить, благодаря им вы получите немалое состояние.

Мария откинулась на спинку кресла.

– Продолжайте, Елена!

Хансон показала на молодую пару, которая сидела на узком диванчике, взявшись за руки.

– Сотрудники компании, оказывающей интернет-услуги, Нонна и Алексей Кругловы. У них свадебное путешествие.

– Здорово! – зааплодировала Валентина Сергеевна. – Совет да любовь вам, ребятки, долгих счастливых лет жизни, как у нас с Кириллом Григорьевичем. Семья – это прекрасно!

– Совершенно с вами согласна, – сказала Елена, – а теперь познакомьтесь с Софьей Гурмановой, она…

– Нет, нет, – замахала руками Соня. Не надо сообщать о месте моей службы.

– Хорошо, – согласилась Хансон. – Ну а теперь…

– Вы не сказали, что я живу в Москве, – перебила Елену Софья, – имею квартиру на Арбате, дачу, обеспечена по полной. Одинока, прекрасная хозяйка

с чудесным характером. О такой, как я, любой мужчина мечтает!

– О боже, – закатила глаза Мэри, – вот только рецепта приготовления кексов нам сейчас не хватает.

– Теперь, когда все познакомились, – воскликнула Елена, – предлагаю тем, кто решил надеть на бал старинные наряды, пойти к нашим костюмерам. Праздник состоится через несколько дней, но облачение надо примерить заранее, возможно, потребуется его подгонка по фигуре. И передвигаться в парадном наряде совсем не просто, вас научат, как его носить. Кто хочет переодеться?

Я подняла руку.

– Евлампия, вами займется Ирина, – объявила Елена, – она великолепный специалист, закончила университет. Знает об одежде прошлого не хуже историка моды, ведущего телепрограммы «Модный приговор» Александра Васильева, которого я обожаю за энциклопедическое образование, харизму, позитив и интеллигентность, которую, увы, нынче почти не встретишь. Семью Ручкиных оденет Стефания. Она…

– Я приду в стрингах и топлес, – снова глупо пошутила Галя.

– Тогда вам не нужно идти на примерку, – сказала Елена. – Пока родители подбирают одежду, вам подадут чай с пирожными.

По лицу Гали промелькнула тень разочарования. Я подавила улыбку. Елена молодец, каждый должен получить то, что хочет. Вопрос – что потом делать с этим полученным? Галя, конечно же, не собирается ходить полуголой в толпе гостей, она хотела шокировать или разозлить Хансон, а та вдруг согласилась со всеми желаниями девочки. И все! Спорить не о чем! Возьмите поведение Елены на вооружение. Если подросток кричит, что он зимой пойдет в школу без шапки, не останавливайте вздорного глупого ребенка. Отморозит один раз уши, и после того, как их вылечит, будет натягивать треух даже в августе.

– Полагаю, господину Рурину будет удобно с Артемом, – продолжала Елена, – а семье Лесиных, ой, простите, Лесински, наверное, не нужен костюмер.

– Это почему? – разгневалась Мэри. – Что за дискриминация? Месть за честно высказанное о номере мнение? Геноцид! Правда, Андрэ?

– Да, – сказал тот.

Хансон наклонила голову.

– Простите. Я думала, вы не хотите пользоваться бальным костюмом. Вас будет обслуживать Нина, дипломированный историк. А наши молодожены попадут к Хельге. Те, кто решил прийти на праздник в своей одежде, сейчас могут отдыхать, выпить на ночь отвар из трав. Вы устали с дороги, да и время уже позднее, наверное, многие хотят прилечь. Если вам сейчас трудно заниматься примеркой, можно отложить ее до завтра. Но у нас с утра экскурсия.

– Вай-фая нет, – капризно протянула Галина, – фотки в «Инстаграм» не отправишь.

Елена развела руками.

– Да. Стены в замке метровой толщины, поэтому мобильная связь не работает, Интернет есть только в здании ресепшен, оно современной постройки, я вас там сегодня встретила. Вы все получили у администратора тревожные кнопки. Если заблудитесь в замке, нажимайте на свою и стойте на месте, незамедлительно прибежит охрана и поможет вам. Еще раз прошу не заходить в помещения с табличкой «Только для персонала», там нет ничего интересного для вас, в них постороннему человеку легко запутаться. Коллекция предметов искусства, красивые залы – все это открыто для вашего посещения. Но зачем вам кладовая, где хранят банки? И не заглядывайте в «личные покои».

– Самое интересное то, что заперто! – воскликнула Галя.

Хансон улыбнулась.

– Некоторые так считают, но на самом деле в кастелянской, где на стеллажах хранятся комплекты постельного белья, скатерти, подушки-одеяла, ничего забавного или примечательного нет. А вот на кухню мы непременно пойдем, увидим гигантские очаги, старинную утварь, посетим ледник, в котором

во времена, когда еще не изобрели холодильники, держали запасы.
И, согласитесь, хозяева имеют право на изолированность своих покоев.

– Телика здесь нет? – спросила Галя.

– В комнатах телевидение отсутствует, – по-прежнему с вежливой улыбкой уточнила Хансон, – смотреть программы можно в здании ресепшен.

– Жесть! – топнула ногой школьница. – А чё перед сном делать? От скуки сдохнуть? Ни компа, ни шоу любимого!

– Можно почитать интересную книгу, – посоветовала хозяйка, – в библиотеке прекрасный выбор, все русская и зарубежная классика.

Личико Галины исказила гримаса.

– Мрак! Я что, дура, чтобы Достоевского листать? Мне хватает в гимназии нудятины. Ну и каникулы! За фигом мы сюда поперлись? Мама!

Валентина решила направить гнев дочери на мужа.

– Это было папино решение, а с ним спорить нельзя.

– Даже когда он идиотство предлагает? – злилась Галя.

– Простите, господа, дочь плохо владеет собой, – мрачно произнес Кирилл Григорьевич, – мы с женой пойдем выбирать костюмы.

– Нет, нет, – остановила его Елена, – я хочу показать вам крепостную стену, потом поужинаете, а уж затем вы направитесь к костюмерам.

– Поесть надо, – обадовался Арсений, – я здорово проголодался.

Глава 3

– Выбрали прекрасный наряд, – одобрила меня симпатичная блондинка, – вам он очень пойдет.

– Цвет понравился, небесно-голубой, – пояснила я, – но вот смогу ли я влезть в него? Ирина, вам не кажется, что размер очень маленький?

– На вашу стройную фигуру платье сядет идеально, – пообещала костюмер. – Эта одежда требует высокой прически. В прежние годы дамы не стригли волосы, бубикопф[1 - Бубикопф – голова мальчика, от немецких слов der Bubbe – мальчишка и der Kopf – голова.] появился во времена Второй мировой войны.

– А у меня короткая стрижка, – расстроилась я, – буду выглядеть нелепо.

Ирина начала расправлять пышную юбку наряда, висевшего на плечиках.

– Не переживайте, в прежние века у многих от неправильного питания были проблемы с волосами. Дамы лысели. Поэтому все пользовались париками. У меня их тьма! Ну, померим?

– Парик или платье? – уточнила я.

Ирина сняла с вешалки наряд и поставила его на пол.

– Влезайте.

Я вошла внутрь платья, как в шкаф.

– Отличненько, рукавчики натягивайте, – попросила девушка.

– Очень узкие, – пропыхтела я, с трудом справившись с задачей.

– Такая была мода, – объяснила Ира, – а теперь делайте глубокий вдох и задержите временно дыхание.

Я набрала полную грудь воздуха и почувствовала, как грудную клетку начинает сдавливать.

– Это всего лишь корсет, – пропела Ира, – не стану его туго затягивать. Дышать можете?

– Еле-еле, – призналась я.

– Привыкнете, – пообещала моя помощница.

– Бедные дамы, жившие в старину, – пробормотала я, чувствуя, что не могу сделать полный вдох-выдох, – от души жалею их.

Ирина отошла на пару шагов.

– У вас и так талия узкая, а сейчас просто рюмочка получилась. Открою секрет, платье – копия наряда, в котором появилась на второй день после свадьбы молодая жена Магнуса. Но мы осовременили его. В аутентичном вы сразу завалились бы в обморок: носить роскошные платья аристократки Средневековья учились чуть ли не с младенчества. И это было совсем не просто. На вас сейчас обычный корсет, слабо зашнурованный на спине, под него просовывается ладонь. В давние же времена под корсет подкладывали деревянные бруски, чтобы исправить недостатки фигуры. И шнуровались они не только сзади, но еще по бокам и спереди. Вот где жесть была. Попробуйте сделать шаг.

Я подняла правую ногу, переместила ее, но не продвинулась вперед.

– Юбочку надо взять сбоку и чуть приподнять, – пояснила Ира, – кринолин не дает вам двинуться. Туфельки примерили?

Я взглянула на подобие обуви, предложенное Ириной.

– Они похожи на тапки, но с очень длинными носами.

– Вы же знатная дама, – засмеялась Ира, – чем длиннее носок пулена, так называется туфля, тем круче наша обладательница. Обопритесь о стульчик, поднимите ножку… опля. И как? Можете пройтись? Ну, берем сбоку юбочку, приподнимаем ее – и вперед.

Я ухватила шуршащую ткань, оторвала кринолин от пола, шагнула, споткнулась, пошатнулась и была подхвачена Ирой.

– Не просто, да?

– Не легко, – согласилась я.

– Потренируемся, и вы будете на балу лучше всех, – пообещала Ирина, – и парик подберу, и украшения. Главное, с платьем для бала определились. Давайте минут десять походим в нем, я возьму вас под руку.

Через четверть часа, вспотев от усилий и ощущая головокружение, я взмолилась.

– Больше не могу.

– И не надо, – обрадовалась Ира, – вы гениальная ученица.

– Ох нет, – вздохнула я, – еле-еле шевелюсь.

– Другие падают, – сказала костюмер, – а вы бодренько так топ, топ, топ… С платьем отлично справитесь. Перед балом еще порепетируем. Пулены с собой возьмите, побегаете в них по спальне, чтобы к длинным носам привыкнуть.

– Они соскакивают, – пожаловалась я.

Ира хлопнула себя ладошкой по лбу.

– Ну, вот же глупая башка! Пояс вам не дала!

– К ботинкам? – удивилась я. – Это как?

Ирина вытащила из шкафа ремень, к которому крепились веревки.

– Давайте снимем платьице. Сейчас расшнурую вас.

Через пять минут мне удалось вдохнуть полной грудью.

– Тяжело, да? – посочувствовала Ира.

Я пошевелила лопатками.

– Теперь понимаю, почему художественная литература прошлых лет изобилует описанием обмороков дам: им просто не хватало воздуха.

Ирина взяла мои пулены.

– Можно, конечно, явиться на бал в наряде, который приблизительно похож на старинный, совсем без корсета. Но тогда вам не видать короны.

– Короны? – повторила я.

– На празднике королеву выбирают, – затараторила Ирина, – жюри строгое. Если станете монаршей особой, вам подарят еще неделю в Олафе, можете ее использовать когда захотите. А представительница коренного населения получит медаль и приглашение на ужин к господам Хансонам. Ну как, попробуем всех опередить?

– Думаю, много местных женщин на бал стремятся, – усмехнулась я, – большинство из них, наверное, прекрасно передвигается в неудобных платьях.

Ира подняла указательный палец.

– В этом году юбилей, сотый бал. Елена решила ограничить число участниц конкурса, потому что намечена большая программа разных мероприятий. В прошлом году соревнование за звание королевы кучу времени заняло. Сначала зрители аплодировали, потом устали, скисли, стали потихоньку убегать. Последние претендентки маршировали в пустом помещении, а жюри чуть не уснуло. Чтобы избежать повторения этого, хозяйка велела в январе – феврале провести городской конкурс, три его победительницы выйдут на сцену Олафа. Только они, больше никого из наших. С туристами так: все дамы из группы, живущей в замке, могут стать конкурсантками и плюс еще шесть-семь приезжих. Госпожа Хансон решила провести действо за один час, поэтому

на каждую участницу отводится три минуты. Нелегко за столь короткий срок блеснуть талантом. Но чем труднее битва, тем слаще победа. Я уже воспитала двух королев, тоже из России. Сначала они пошевелиться не могли, а потом всех опередили. Я на вашу группу посмотрела и попросила Елену: «Хочу вон с той худенькой блондинкой заниматься. Издали вижу, она при правильном руководстве первой станет». У вас в глазах нечто этакое светится, чемпионское.

– Вы меня захвалили, – смутилась я.

– Будет у меня третья королева на счету, – потерла руки Ирина, – даже Элиза обзавидуется. Ни у кого столько нет! Элиза управляющая замка, на самом-то деле реальная монаршая особа здесь она. Это даже Беата признает.

– Уж простите мое любопытство, но кто такая Беата? – поинтересовалась я.

Ирина начала застегивать на мне пояс с веревками.

– Повариха. Моя мама работала в замке кастеляншей, сейчас она на пенсии. Но перед тем как Олаф покинуть, мамуля попросила, чтобы меня сюда взяли. Я окончила институт моды, прекрасно шью, защищала диплом по истории театрального костюма. Так вот, перед тем как мне на службу выйти, мама наставления дала. Ну, сначала обычные: не ленись, не опаздывай, будь вежлива, а потом предупредила: «Солнышко, ругаться с коллегами последнее дело, надо со всеми находить общий язык, быть позитивной, улыбчивой, помнить, что туристы всегда правы, даже когда они совсем не правы, все равно правы. Но, если уж тебе приспичит с кем-либо поссориться, помни: в замке можно повздорить с любым сотрудником и через день неприятность утрясется. Но есть два человека, с которыми никогда нельзя выяснять отношения: Элиза и Беата, они без стука к хозяевам заходят.

Ирина умолкла, а я не могла унять разгоревшееся любопытство.

– Пока я не видела господина Хансона. Он симпатичный?

– Еще встретитесь, – пообещала Ирина, – на конкурсе он точно будет. Но вообще владелец Олафа не любит шумных сборищ. Думаю, это связано с его состоянием здоровья. У господина Карла лицо изуродовано, шрамов много, ему не одну операцию сделали, кожу пересаживали. Хорошо, что он не ослеп, но постоянно

носит большие темные очки, закрывает ими рубцы.

Глава 4

– Простите, не знала, – смутилась я.

– Откуда вам знать? – пожала плечами Ирина. – Много лет назад беда случилась. Моя мама в замке служила. Карл и Елена поехали в соседний городок в ресторан. Хозяин не справился на повороте с управлением, автомобиль занесло, он ударился о дерево. Елена руку сломала, а господин Хансон сильно головой приложился, сознание потерял. В те годы в Олаф еще туристов не пускали, населения в Гарде намного меньше было, чем сейчас. И молодая пара покатила не по главному шоссе, а по узкой дороге, она соседние городки напрямую соединяет. Автобусы с экскурсантами по ней не ездят, им там тесно и достопримечательностей нет, просто лес. Местные же маленькой трассой пользуются. У нас жизнь провинциальная, в девять вечера все уже дома, поужинали – и баиньки. В десять в Гарде тишина и храп, узкая шоссейка пустынна, оживает она в пять утра, когда булочник-молочник-почтальон и прочие за работу принимаются. Понимаете, в какой ситуации Елена оказалась? Рука сломана, муж без чувств, вокруг никого. Мобильных тогда не было. Как сообщить о несчастье? Хорошо, у меня отец сообразительный был, он ветеринаром в Олафе работал. В замке живности полно: собаки, кошки, корова, коза, куры. Они все на хоздворе живут, вас туда отведут обязательно. И там же конюшни с лошадьми. Папа в тот вечер приехал в Олаф к коню, который простудился, стал ему сам на кухне горячее питье варить. И тут из ресторана позвонили на городской телефон, мама трубку взяла. На проводе оказался хозяин трактира, он сообщил:

– Елена у нас забыла сумочку, наверное, весь дом перевернула, расстроилась, думает, что потеряла. Пришлите кого-нибудь за ней.

Мама ответила:

– Молодые господа еще не вернулись, мы думали, они еще у вас…

– Уже больше часа как укатили, – сообщил ресторатор.

Мой папа сразу понял: случилась беда. Это было много лет назад, не все женщины тогда водили машины. Время к полуночи подбиралось. Госпожа Мартина, мать Карла, своего шофера отпустила. На ночь в замке остались повариха Беата да Элиза – она тогда только-только управляющей стала, – мои мама-папа и я, совсем маленькая. Элиза ранее горничной у хозяйки служила. Отец лошадь отваром отпаивал, мама работу закончила, его ждала. Гостиницы и ресторана при Олафе не было, тишина стояла и в замке, и во дворе.

Папа сел в машину, мама с ним отправилась, не хотела его одного отпускать, меня с Беатой оставили. Родители знали, что молодые господа по маленькой дороге поехали, разминуться с ними не опасались. Отец предположил, что колесо у машины Карла лопнуло, а он запаску ставить не умеет. О плохом не думали, в Гарде аварии почти не случались, все аккуратные были, пьяными за руль не садились.

Ирина поежилась.

– Мамочка, когда эту историю вспоминает, всегда молиться начинает и плачет, как заведенная. Они с папой издали увидели седан Карла, поняли, что беда случилась. Отец притормозил, вылез – и тут! Как полыхнет! Елена снаружи стояла, увидела моих родителей, заорала:

– Помогите, Карл без сознания за рулем, у меня рука сломана, не могу его вытащить.

Папа молодого господина вызволил и повез в больницу. Карл серьезных ранений не получил, конечности, позвоночник – все было цело. Но огонь ему лицо и часть шеи сильно обжег. Долго Карл лечился, говорят, он до аварии симпатичным был, а сейчас перед посторонними исключительно в черных очках появляется, они ему почти все лицо закрывают. На виду только часть щек, подбородок и нос.

Ирина вздохнула.

– Жаль его очень, господин Карл прекрасный человек, не повезло ему.

– Хорошо, что зрение сохранилось и сам здоров, – заметила я.

– Да уж! – покачала головой костюмерша. – Не представляю, каково это слепым жить, хуже ничего нет. Когда госпожа Елена сына Петера родила, мама поняла, что она в день аварии уже беременной была. Представляете, какой она стресс испытала?

Ирина отошла к комоду.

– Очень тот год тяжелым оказался. Вскоре после той аварии от гриппа умер мой брат Сергей. Он был намного меня старше, я совсем его не помню. Сережа был крестником тогдашнего владельца замка. Господин Виктор оплачивал его образование, сначала в школе, потом в Гейдельбергском университете. Сергей получил диплом, но в Гард не вернулся, остался в Германии, там возможностей для молодого амбициозного парня намного больше. Я родилась, когда брат уже с родителями не жил. В гости он не приезжал, видно, не особенно папу-маму любил. Прилетел, когда стало ясно, что бабушка умирает, проститься надо, заразился гриппом и скончался. Госпожа Мартина тогда маму очень поддержала. Елене со свекровью повезло, не то что мне с Брунгильдой, так мать моего мужа зовут.

– Не всякая женщина полюбит жену сына, – улыбнулась я.

– Да уж, – поморщилась Ира, – по себе знаю, что ни сделаю, все Брунгильде плохо.

– Имя красивое, – улыбнулась я, – прямо как из героической поэмы «Песнь о нибелунгах».

– И характер соответственный, – сказала Ирина, – больше всего ее бесит, что я русская. Но это же смешно. В городе почти все население имеет русские корни. Самый первый Хансон, Магнус, в тысяча сто семьдесят седьмом году женился из политических соображений на Анне, дочери князя Юрия Ярославовича из рода Рюриковичей. И тогда же начали строить Олаф, закончили в тысяча двести девяностом, по тем временам просто мигом возвели. Вот с той поры кто-нибудь из сыновей рода Хансон под венец русскую ведет, а с ней приезжают верные холопы, они находят пару среди местных. Прапрапра… бабка моей мамы прибыла с Марией, невестой очередного Хансона, а дед моего деда был лекарем,

в Олаф его выписали из Москвы на несколько лет, но ему здесь так понравилось, что он остался навсегда. А вот в семье Брунгильды никогда никого из России не было. Таких фамилий немного, и они очень чистотой крови гордятся. Все со съехавшей крышей, как моя свекровь. Брунгильда может войти в местную библиотеку, увидеть очередь на абонементе и заявить:

– Я имею право на первоочередное обслуживание. Вы пришлые, а мои прадеды при дворе Магнуса Первого состояли.

Здесь у нас таких, как Брунгильда, называют «Верные», они на всю голову больные, живут в нереальном мире. Например, Маргит, владелица магазина книг, не разговаривает со своим племянником Беном, даже не здоровается с ним. Угадайте почему?

– Наверное, он чем-то ее обидел, – предположила я.

– Не-а, – засмеялась Ирина, – у Маргит претензия: ее сестра вышла замуж за москвича, значит, Бен наполовину русский, а они затеяли недавно войну со Швецией. У Маргит мать шведка, ей про ту битву вспоминать тошно.

– Недавно? – удивилась я. – Не очень хорошо знаю историю, но вроде никто в последнее время со шведами не сражался.

– Недавно, это в тысяча шестьсот тринадцатом году, – расхохоталась Ирина. – Ни Бен, ни его отец к тем событиям ну никакого отношения не имеют. Но Маргит их все равно на дух не переносит, потому что в той войне погиб один из сыновей ее прапрапра… деда. Ох, заболталась я, вам отдохнуть надо, день хлопотный выдался, сначала на самолете летели, потом на автобусе ехали. А тут я с рассказами про дела-порядки. Давайте покажу, как пулены крепятся.

Ира наклонилась.

– Смотрите, на поясе висят веревки, в туфлях пробиты отверстия.

– Вижу, – кивнула я.

Девушка продела в дырки концы бечевок и завязала их.

– Все, теперь идите.

– Их вот так привязывают? – удивилась я.

– Ага, – закивала Ирина, – сверху натягивают платье – и в добрый путь. Попробуйте!

Я сделала шаг, задела нереально длинным носком туфли за табуретку и чуть не упала.

– Ничего, – приободрила меня костюмер, – знаете, все гости думают, что эту обувь носить легко, не репетируют перед балом, наденут пулены и тут же снимают. Неудобно! Женщины приходят в зал в своих обычных лодочках, и нет шансов у них тогда королевой стать. Жюри на ноги посмотрит и сразу говорит «до свидания». А вы у меня будете в правильном образе. Еще научу вас старинному книксену, Хансоны и все остальные попадают.

– Дамы приседали особым образом? – заинтересовалась я.

У Ирины загорелись глаза.

– Да, да, да! В прошлом году среди судей присутствовал Альфред, знаток старинных обычаев. Он моей подопечной высший балл поставил. А на банкете подошел ко мне и радость победы притушил:

– В принципе вы неплохо подготовили тетку, но до победительницы ей, как до Китая пешком.

Альфред сноб, считает себя лучшим экспертом по костюмам и правилам этикета. Спорить с ним нельзя, он злопамятен. Но я устала, перенервничала, выпила немного виски для расслабления, вот и не сдержалась:

– Вы ей корону присудили. Раз моя воспитанница плохая, зачем ее на пьедестал ставить?

Альфред на меня как на грязное пятно посмотрел.

– На фоне плохих она лучшая. Понимаете? Общий уровень крайне низок. Ирина Эклунд, вы мне, несмотря на полное отсутствие воспитания, нравитесь. В вас кипит детская непосредственность, которую люди, как правило, лет эдак в шесть теряют. Дам вам совет. На будущий год в кресло председателя сядет Анна, декан исторического факультета. Вам ничего не светит. Она из Верных, а у вас, Ирина, русские корни. Есть лишь один способ вырвать победу у конкуренток: разучить реверанс дам семьи Хансонов и продекламировать «Песнь торжественного бала». Коли не проделаете это, станете первой, но с конца. Красивым платьем и умением носить пулены Анну не взять. А вот книксен вкупе с исполнением старинных стихов ее поразит. Этого никто пока не делал.

И живо ушел.

Я за Альфредом кинулась, схватила его за рукав.

– Стойте! Что за реверанс? Где слова зонга взять?

Он губу оттопырил.

– Сами хоть что-то делать способны? Или привыкли чужим умом жить?

Короче, отказался мне помочь. Я к Елене бросилась с вопросами. Она изумилась.

– Книксен? Ода? Хотя… На нашей с Карлом свадьбе одна из родственниц злилась, что свежеиспеченная невестка какие-то подскоки не выполнила, нарушила семейные традиции. Расспрошу мужа, возможно, он в курсе.

В понедельник Елена меня подозвала.

– Ирина, в библиотеке есть книга «Семья Хансон», найдете ее, там есть вся информация.

Ира взглянула на часы.

– Знаете, где книгохранилище?

Я вынула из кармана план замка и развернула его перед собеседницей.

– Слева по коридору четвертая дверь, – показала пальцем Ира, – я нужный томик оставила на столе, там закладки есть. Вам не трудно будет самой взять книгу?

– Конечно, нет, – ответила я, удивленная ее просьбой.

Ирина заметила мое недоумение.

– Олаф живет по средневековым правилам, они признают право гостя.
Вы можете вынести из библиотеки все, что угодно, и читать в спальне.
А живущим и уж тем более работающим в замке это категорически запрещено.
Я спокойно листаю том в библиотеке, но прихватить его с собой не имею права.
За это меня накажут.

– Странно, – заметила я.

– Многие правила здесь идиотские, – пожала плечами Ирина, – три месяца назад у нас гостила американка, она рассказала, что в ее штате запрещается после полуночи печь блинчики. Маразм. Это придумали давным-давно, но до сих пор не отменили. В Олафе полно запретов для нас, и хозяин требует их соблюдать. Елена совсем не строгая, она глаза закроет на прегрешение, а ее муж нет. Господин Хансон любит выходить из своей комнаты по вечерам, когда в коридорах никого нет. Если он меня с томиком под мышкой заметит, мне несдобровать. А вам он только улыбнется. Книга на столе под лампой лежит.

– Библиотека открыта? – усомнилась я.

– В двери замка нет, – сказала Ира.

Я не поверила своим ушам.

– На полках, наверное, много ценных изданий. Разве можно их вот так оставлять? Вводить людей в соблазн?

– Ценные тома надежно спрятаны в другой библиотеке замка, – пояснила девушка, – там рукописные фолианты, древние книги. А на общедоступных полках ерунда. Ценности она не представляет. Книгу «Семья Хансон» написала жительница нашего городка. Издали ее в начале нынешнего века, она не уникум. Возьмете?

– Прямо сейчас, – пообещала я, – почитаю на ночь.

Глава 5

Сначала я отнесла в свой номер кроссовки, потом поковыляла по коридору, то и дело задевая носками пуленов о пол. Однако средневековым дамам приходилось совсем не сладко. Они носили платья с корсетом, куда, как я только что узнала, вкладывались деревянные бруски, и туфли, в которых практически невозможно двигаться.

Я остановилась у нужной створки, толкнула ее и очутилась в кромешной темноте. Пару секунд я пыталась хоть что-то рассмотреть, потом начала шарить руками по стене. Как правило, выключатель находится прямо у входа, но я никак не могла его нащупать. Стараясь нашарить клавишу или обнаружить шнурок, за который следует дернуть, я сделала пару шагов, задела носком туфли какую-то преграду, попыталась уцепиться хоть за что-нибудь… и шмякнулась на какую-то штуку, она щелкнула, затем на меня легло неподъемное одеяло. Я начала шарить ладонями по мягкой, но одновременно упругой поверхности. Вскоре стало ясно: под моей спиной матрас, над головой, похоже, тоже. Создавалось ощущение, что я превратилась в дорогое кольцо с многокаратным бриллиантом, лежащее на подушке в закрытой бархатной коробке. Хотя под пальцами у меня сейчас не велюр, а вроде кожа.

Я хихикнула, сравнить себя с раритетным украшением – это по-нашему. Я не сравнила себя с какой-то дешевой ерундой в коробке из пластика. Но через секунду мне стало не по себе. Где я нахожусь? Как выбраться из плена? Может, надо звать на помощь? Но кто услышит мой голос? В замке толстенные стены. Что делать?

Внезапно мрак рассеялся, я увидела сбоку щель, через которую поступал свет. Он был не яркий, но мне стало понятно: я лежу в каком-то неплотно закрытом ящике. Подо мной кожаные подушки, надо мной они же. Гроб? Но домовину не обивают кожей. Хотя, возможно, в этом городе своя мода на похоронные принадлежности.

– Устала? – спросил хриплый баритон.

– Слава богу, они угомонились, – ответил женский голос.

Я училась в консерватории по классу арфы, некоторое время играла в симфоническом оркестре, у меня отменный музыкальный слух, поэтому я сразу поняла, что в комнате Елена Хансон. А вот с кем она беседует, оставалось неясно. Я набрала полную грудь воздуха, чтобы позвать на помощь, но тут услышала слова хозяйки:

– Мы погибли! Он отнимет у нас все. Нас выгонят с позором. Нам не будет места ни здесь, ни в одной из соседних стран.

Во мне забурлило любопытство, звать на помощь сразу расхотелось. Я тихо выдохнула.

– Дорогая, очнись! Он погиб! Рухнул вместе с самолетом в океан.

– Это точно он!

– Граф Сен Жермен? Воскресший Лазарь?

– Тебе смешно? Это он! Вот посмотри!

Я, чтобы увидеть в щель собеседника Елены, завертела шеей, но просвет располагался низко, приходилось ориентироваться на слух.

– Журнал из Австралии, – продолжала Елена, – его бросил на ресепшен кто-то из туристов. Глянь на обложку. Я чуть не умерла.

– Ничего страшного, – произнес мужчина, – какой-то фермер получил приз за то, что лучше всех стрижет овец.

– Неужели ты не видишь?

– Что?

– Лицо!!!

– Ну, глаза, рот, нос.

– Это же он!!! Его копия.

– С чего такая глупость тебе в голову пришла? Он давно умер.

– Это он! Он! Я ждала его! Я знала! Чувствовала! Мартина всех обманула! Мы знаем, на что она способна. Он вернулся! Он был на ресепшен! Специально там еженедельник оставил, чтобы я его увидела и скончалась от ужаса!

– Дорогая! Какой-то турист из Австралии купил перед посадкой в самолет журнал, прочитал его, засунул в сумку и забыл о нем. Потом он приехал в Олаф, решил приобрести в магазине что-то на память: кружку с изображением замка, медаль, календарь… полез за кошельком, увидел издание, вынул его и бросил. Где ты журнал нашла?

– В сувенирной лавке на подоконнике!

– Что только подтверждает мою версию. Солнышко, на обложке просто фото местного фермера, победившего в конкурсе.

– Посмотри на лицо! Это он! Боже! Он вернулся! Мы погибли! Он дождался юбилейного сотого бала, чтобы воскреснуть.

Раздался скрип.

– Иди сюда, – велел мужчина.

Послышался звук поцелуя, затем шорох, стон.

Мне стало неудобно. Ну почему сразу, как только пара вошла в библиотеку, я не закричала: «Помогите, достаньте меня из гроба, который невесть зачем поставили в библиотеке». Я подавила вздох. Лампа, будь честной сама с собой, ты любопытнее обезьяны, поэтому, услышав из уст Елены фразу: «Мы погибли! Он отнимет у нас все!», ты мигом забыла о том, что ты сейчас не на работе, а на отдыхе, и принялась подслушивать абсолютно не предназначенную для твоих ушей беседу. Во мне сработал профессионализм сыщика: узнать побольше информации. Я осторожно вздохнула. Лампа, не оправдывай себя, дело не в том, что ты детектив, дело в твоем безбрежном любопытстве. Некрасиво так себя вести. Но что сделано, то сделано. Пара сейчас явно предавалась любовным утехам, в какое положение я поставлю людей, если начну шуметь? Да и сама скончаюсь от смущения. Остается одно: лежать тихо, ждать, пока муж с женой успокоятся и уйдут. Надо же было Елене и Карлу выбрать для игрищ библиотеку. Что, у них спальни нет? Дверь не заперта, сюда кто угодно зайти может! Однако Хансоны любители экстремального секса.

– Фуу, – выдохнула Елена. – Ты не мог подождать, пока мы у себя окажемся?

– Тебе не понравилось? – засмеялся Карл.

– Сам знаешь, что понравилось, – протянула Елена, – но в библиотеку в любой момент могут впереться посторонние.

– В полпервого ночи?

– Туристам плевать на время. Вдруг кто-то вошел бы.

– И что?

– А мы тут… того.

– И что? – повторил муж. – Супруги имеют право на маленькие радости.

– Мне нехорошо, – вдруг прошептала Елена.

– Опять лопала еду для гостей? – рассердился Карл. – Сто раз говорил: нельзя жрать средневековые похлебки из рыбы. Поулыбалась группе в ресторане, рассказала, как Хансоны в четырнадцатом веке питались, хлебнула из бокала воды и адью. Ужинать надо дома тем, что для нас Беата приготовила.

– Группу кормили обычным ужином, – пояснила Елена. – Сегодня день заезда. Они вечером прибыли. Экзотика с утра стартует. Хлопот много было, я пообедать не успела, а вечером только маффин слопала с чаем.

– Тебе от голода плохо, – загудел Карл. – Не желаешь мои советы слушать? Не надо, я не диетолог. Но вспомни, что Андерсен говорит: тебе необходимо регулярно и правильно питаться. А ты плевать на доктора хотела. Ну-ка, перечисли, что сегодня ела?

– Утром одно яйцо, кофе с лимоном, в шесть вечера капкейк с чаем, – перечислила Елена.

– И все?!

– Ну да!

– Хочется тебя в угол поставить, – рассердился Карл, – яйца тебе строго запретили. Кексы! Да еще кофе с лимоном. Это самострел!

– Желудок не болит.

– Тебя не понять, то тебе нехорошо, то дискомфорта нет.

– Мне плохо, но не физически. Морально. Страшно.

– С чего бы?

– Это он!

– Прекрати.

– Он жив!

– Ты ошибаешься. Он давно на дне океана.

– Нет, нет, нет, – всхлипнула Елена. – Господи, Катя беременна!

– Какое отношение наша невестка имеет к Эдмунду?

– Ты правда не понимаешь или дураком прикидываешься?

– Старею. Ум теряю. Объясни.

– Не юродствуй.

– Не бей старика мужа.

– Хорош старик, – хихикнула Елена. – Ты горячий парень!

– Так при чем здесь Катя?

– Вспомни, что в правилах Магнуса сказано?

– Олаф переходит по наследству старшему сыну.

– Ну?

– Полагаешь, Эдмунд восстанет из ада, куда он точно угодил за все, что сделал с Паулиной, и заявится свои права качать? – хмыкнул Карл. – Милая, представим, что твой бред правда. Едва Эд появится в Олафе, в тот же час весь город услышит о его возвращении и Розамунда нам двери выломает. Аптекарша Эда с годами только сильнее ненавидеть стала. Да, прошло много лет, но историю с Паулиной многие хорошо помнят. Эдмунда на тряпки порвут, суд Линча устроят. Нет, он не дурак домой соваться.

– Под своим именем да, – согласилась жена, – он не посмеет приехать сюда как старший сын Хансонов. Но тайком влегкую. У него тут друзья остались.

– У Эдмунда? Через столько лет? Смешно.

– Вспомни, как к нему относились, пока правда про Паулину не всплыла, – перебила супруга Елена. – Эдмунда обожали, считали королем. А он только и ждал, когда отец умрет, чтобы править начать. Ты сидел в угол задвинутый. Мартина и папочка младшего сына не особо любили, их сердца принадлежали старшему ребенку. Почему Виктор от инфаркта в одночасье ушел? Потому, что он про Паулину узнал. Не вынес, что наследника на всю жизнь за решетку засадить могут. Вспомни реакцию Мартины: «Сыночка оговорили!» То, что Эд подонок, она видеть не желала и всегда его покрывала. После смерти мужа что она затеяла? Созвала адвокатов, хотела найти возможность «Правило Магнуса» переписать. Велела юристам убрать слова: «Править Олафом вместе с городом и землями может лишь достойный старший сын, не запятнавший чести Хансонов ни делом, ни словом, ни помышлением. Если же старший сын не таков, то ему должно отдать корону младшему, коли тот достоин». Да, адвокаты растолковали Мартине: вычеркнуть из правил Магнуса ничего нельзя. Это все равно что из Конституции США первую поправку убрать. Но вопрос в другом. Зачем она так хотела подредактировать документ? Эдмунд на тот момент уже упал вместе с самолетом. Понимаешь?

– Не совсем.

– Мартина знала, что подонок жив, – зашипела Елена, – надеялась, что историю с Паулиной забудут, Эдмунд вернется, заберет у тебя скипетр и державу. Если слов про достойного сына не будет, то все получится. Мартина любила только Эда.

– А при чем тут наша беременная невестка? – повторил вопрос Карл.

– Выйди из тьмы! Эдмунд узнал, что Екатерина в положении и что она ждет мальчика. Наследника! Олаф в перспективе достанется ему. Если мальчик погибнет, то кто будет у руля?

– Я, как и раньше, – ответил Карл, – и после моей кончины ничего не изменится.

Голос Елены зазвенел.

– Кроме одного! У Петера больше не будет детей. После его смерти Олаф останется беспризорным. Эдмунд решит навредить Кате, толкнет ее в темном коридоре, она упадет, случится выкидыш. Не надо было громко оповещать о предстоящем рождении мальчика. Ну почему я не догадалась соврать, что мы ждем девочку?

– Милая, успокойся. Ты сочинила целый роман. Эдмунд давно мертв. Детей у него не было. Олаф навечно наш. Мы еще много лет проживем. У тебя психопатия начинается.

Послышалось шуршание, затем Елена воскликнула:

– Боже! Как я об этом не подумала. Замок со всем имуществом переходит в руки старшего сына или сына старшего сына. Если последний в силу возраста, болезни, смерти или других обстоятельств не может исполнять обязанности правителя Олафа, корона и замок достаются младшему отпрыску. Вот почему, милый, ты сел на трон. Эдмунд же объявлен мертвым.

– Ты уже в который раз твердишь одно и то же, – укорил жену Карл, – а я твержу в ответ: труп из океана через много лет не выплывет. Конец. Дорогая, человек на фото в журнале действительно имеет сходство с Эдмундом. Но в мире много людей, которые, не будучи родственниками, похожи друг на друга. Ты просто устала, поэтому нервы шалят. Эдмунд в аду.

– Что, если мерзавец женился в Австралии и там живет его ребенок? Мальчик! – отчеканила Елена. – Рожденный в браке? Он ничего дурного не совершил, он может наследовать Олаф. Эдмунд нас всех убьет: тебя, меня, Катю с ребенком, Петера, никого из Хансонов, кроме отпрыска Эда, не останется. Вот что у него на уме. Это он. Я его узнала.

– Солнышко, – ласково пропел Карл, – ты мастер придумывать страшные истории. Нафантазируешь невероятное, потом сама в эту лабуду веришь. Повторяю в сотый раз. На свете встречаются очень похожие друг на друга люди, такая игра природы. Ну-ка дай сюда этот чертов журнал. Что в статье написано? «Австралийский фермер стал победителем конкурса «Лучший овчар». Тьфу! Ну смахивает мужик слегка на Эдмунда, и что?

– Ты прав, – неожиданно согласилась жена, – я просто измоталась. О! Нет! Нет!!! Вчера я замерзла ночью, хотела разжечь камин, а в спальне дров нет. Пошла в нашу гостиную за поленьями, а из подвала шорох, шарканье доносятся, кто-то кашлянул. Господи!!! Боже!!! Это Эдмунд приходил!!! Хотел нас жизни лишить!

– И почему он этого не сделал? – засмеялся Карл. – По какой причине ты ко мне не побежала? Знаешь, что ты слышала? Я смотрел по телевизору сериал по Агате Кристи, до тебя звук долетел. Не проговорись при туристах, что у нас тарелка есть, а мы гостиницу к ней не подключаем, чтобы древний антураж сохранить. Следовало ко мне бежать, а не от страха трястись.

– Я вчера журнал еще не видела, – всхлипнула супруга, – не оценила опасность, подумала, что кто-то из туристов наплевал на просьбу к нашим покоям не приближаться и решил по подвалу побродить. На минус первом этаже под нашими апартаментами пошастать.

– Дурочка! Ты же никогда ночью не просыпаешься!

– А тут меня как стукнуло! Холодно! Разожги камин. Боже! Это точно был Эдмунд! Или его сын, которого ему кто-то родил!

– Нет у подонка детей!

– Откуда ты знаешь?

– Фу, – выдохнул муж, который явно устал от разговора. – Зайчик, ты просто измоталась. Подготовка к юбилейному балу кого хочешь с ума сведет.

– Раз в сто лет такое бывает, – пробормотала Елена, – со всего света гости едут. Боюсь в грязь лицом ударить.

– Котеночек, не обманывай меня, – вдруг заявил Карл, – тебя посторонние не волнуют. Я понял, почему ты умом тронулась, по какой причине от звука моего телека про Эда подумала и паникуешь. Признайся, когда наступил год столетнего бала, ты сразу вспомнила предсмертные слова Мартины.

– Ну… – протянула жена, – ну… нет.

– Не ври, заюшка, – засмеялся Карл, – они и мне в голову пришли, когда Новый год отмечали. Я увидел Мартину в кресле, мы ей какао на ночь принесли, она чашку взяла, поблагодарила и сказала: «Умирать мне пора. Виктор заждался. Не увижу я столетний бал, без меня праздник пройдет. Но я знаю, в день торжества откроется великая тайна! Случится нечто небывалое! Вы тогда эти мои слова вспомните».

– Ты стал расспрашивать, что Мартина имеет в виду, а она рукой махнула: «Ступайте, я устала», – добавила Елена, – я про ее слова весь период подготовки к празднику думала и поняла: Мартина всех обманула! Эдмунд жив, он вернется. И началась шиза! Эд мне снится, повсюду чудится, слышатся его шаги.

– Солнышко, Мартина решила нам перед смертью гадость сказать, сама понимаешь почему, – проворковал Карл. – Эдмунд покойник, детей у него нет, мы благополучно проживем в Олафе еще лет пятьдесят. Петер, Катя и их ребенок с нами.

– Ты так считаешь? – всхлипнула жена.

– Конечно. Мартина просто бесилась, что ее любимчик в самолете разбился, а я на троне. Вот и вставила нам шпильку под конец. Не переживай. Туристов станет больше, с деньгами все наладится, у нас чудесная семья, высокое положение в обществе, все уважают фамилию Хансон. Дай бог, у Петера с Катей родится еще один малыш. Если же наш сын после лечения останется бесплодным, то Катя согласится на донора. Они с Петером снова слетают в США, проведут необходимые манипуляции, и на свет появятся новые Хансоны. Мы же сумели скрыть болезнь сына? Ни одна живая душа понятия не имела о диагнозе, в Америке Петера вылечили, Катюша забеременела. Все будет хорошо. Я тебя люблю.

– И я тебя, – всхлипнула Елена, – ты самое лучшее, что со мной в этой жизни приключилось.

– А Петер?

– Ну… он тоже… но тебя я люблю больше.

Послышался звук поцелуя.

– Пошли спать, – сказал Карл, – сидим как два дурака в библиотеке.

– Мы не только сидели, – возразила Елена.

– А теперь потопали в кроватку. Слушай, что с диваном? Почему у него спинка на сиденье лежит?

– Представляешь, – засмеялась жена, – сломался механизм. Утром в непригодность пришел, я забыла тебе сказать. Если с размаха на него сесть, верхняя часть падает, нижняя опускается… бумс, и ты в ловушке. Я им никогда не пользуюсь, потому что…

– На нем всегда сидела Мартина, – со смешком произнес Карл, – она усаживалась на диван, брала вязание и смотрела телек. Я давно понял, что диван будит у тебя неприятные воспоминания.

– От тебя ничего не скроешь, – сказала Елена, – я бы долго не узнала о неисправности дивана, но утром сюда зашла Ирина, села на него, и бумс! Спинка упала, девушка оказалась между нею и сиденьем, ну как котлета в гамбургере, булочка-мясо-булочка. Ира заорала, ее через некоторое время Дэвид услышал, вызволил ее и давай ругать: «Надо было упереться в спинку руками-ногами, она бы поднялась. Зачем визжать и паниковать?»

– Золотые слова, – одобрил муж, – никогда нельзя терять голову. Может, мне спинку поднять?

Я в один миг вспотела. Нет, только не это! Представляю лица хозяев, когда они в роли «котлеты» узреют меня!

– Да ну ее, – сказала Елена, – лучше пойдем в спальню. Давай, а?

– Всегда готов, – ответил муж.

Лена захихикала.

– Фонарь возьми, – велел супруг.

– Пусть здесь останется, – не согласилась Елена, – вдруг кто из гостей припрется за газетой или книгой, начнет шарить в темноте и что-нибудь разобьет.

– Ночью?

– Сам знаешь, какие они. Помнишь парня, который на кухню полез, попал в кладовку, а там Эрик со стеллажом возился?

– Да уж, – засмеялся Карл, – я так и не понял, кто громче орал, мастер или постоялец. Все идиоты. Один за полночь пожрать решил, портье не позвонил, сам на охоту за продуктами отправился. Другой полки с обеда до ночи чинит. Дураков не счесть. А что со светом, почему здесь люстра не зажигается?

– Что-то с проводкой, – вздохнула Елена, – в прачечной одну стиральную машину утром коротнуло. В результате ничего не фурычит в малой гостиной и здесь. Марк возился долго, но так и не исправил, сказал, что завтра купит какое-то реле или не реле, в общем, что-то приобретет и все оживит. Вечно у нас поломки, никаких денег на починку не хватает. Прямо страшно становится, когда счета вижу.

– Неверная реакция, – весело возразил Карл, – спасибо, Господи, что взял деньгами. Мы все живы, здоровы, а купюры заработаем. Хватит болтать! Пора баиньки.

Я услышала звук шагов, хлопок двери, и наступила тишина. Памятуя слова Карла о том, что спинку дивана можно поднять, я начала изо всех сил пинать ее всеми четырьмя конечностями, быстро вспотела, устала, но решила не сдаваться, не желая провести ночь в ловушке. К тому же я очень хотела пить.

Минут через десять мои отчаянные усилия увенчались успехом. Между верхней и нижней частью «гамбургера» образовалась довольно большая щель, я протиснулась в нее, прихватила книгу, за которой явилась в библиотеку, вышла в коридор, держа перед глазами план здания, потопала налево в поисках лестницы, которая ведет на второй этаж, где расположена моя спальня. Путь до нее мне удалось проделать без приключений. Я вошла в комнату и, не приняв душ, рухнула в кровать.

Глава 6

Проснулась я от журчания воды. Сначала мне показалось, что прорвалась труба, но уже через секунду стало ясно, что кто-то из живущих выше этажом решил принять душ. Мобильный, лежащий у изголовья, полностью разрядился, узнать который час было невозможно.

Я села в кровати и начала рассматривать помещение. В Олаф меня вчера привезли вечером. Симпатичная горничная показала мне спальню и предупредила:

– Через десять минут всех ждут в гостиной на первом этаже. Надо спуститься по лестнице, повернуть налево, потом направо, обогнуть скульптуру рыцаря Эрланда. Чтобы вы не заблудились, на столе лежит план замка. Разрешите распаковать ваши вещи?

Прислуга осталась разбираться с чемоданом, а я вышла в коридор, столкнулась с Софьей, которая в этот момент выскочила из соседнего номера, и мы вместе отправились на поиски гостиной.

После первого общения с Еленой Хансон нашу группу без особых приключений отвели во двор, показали крепостную стену, сложенную из гигантских валунов, здоровенные деревянные ворота, ров с водой, потом все пошли в столовую. Я, впечатленная рассказом хозяйки о быте шестнадцатого века, увидев перед собой на тарелке самую обычную жареную картошку с рыбой, удивилась.

А Мэри моментально спросила:

– Вы говорили, что мы проведем неделю в замке как люди Средневековья. Но разве тогда готовили картофель во фритюре? И, если я не ошибаюсь, этот корнеплод начал победное шествие по Европе во второй половине шестнадцатого века и долгое время был декоративным растением, причем его считали очень ядовитым.

– Правильно, – кивнула владелица Олафа, – приятно встретить человека, хорошо знающего историю. Сегодня день приезда, поэтому приготовлен обычный ужин,

после него все желающие пойдут к нашим замечательным помощницам, и те подберут им наряды для бала.

– Идея отдать моего мужа в лапы молодой бабы с большими сиськами, которая будет мерить на него брюки, не кажется мне привлекательной, – сказала Мэри.

Андрей никак не отреагировал на заявление жены.

– У семейных пар одна помощница на двоих, – улыбнулась Елена, – и совсем юной прислуги в замке нет, здесь служат только профессионалы высокого класса, таким в семнадцать лет в гостиничном бизнесе не станешь.

– Жуткую старуху с начальной стадией маразма тоже неприятно видеть, – поморщилась Мэри. – Не хочу, чтобы около нас топталась одышливая, хромая от артрита, затхлая пенсионерка. Я приехала отдыхать, а не слушать стенания прислуги о маленьком окладе и большом количестве дел.

Хансон, удерживая на лице милую улыбку, начала успокаивать капризную бабу.

– Ну что вы, таких к замку на пушечный выстрел не подпустят. Да, наши сотрудники немолоды, им всем от тридцати до пятидесяти и…

– Что? – взвилась Мэри. – Я, по-вашему, старуха?

Хансон улыбнулась еще шире.

– Конечно, нет.

– Вы сказали «сотрудники немолоды, им всем от тридцати до пятидесяти», – покраснела госпожа Лесина, простите, Лесински. – Намекаете, что мне пора на кладбище?

Елена вскинула брови.

– Вам тридцать! Простите, не хотела вас обидеть. Имела в виду, что люди в зрелом возрасте не глупые подростки, а крепкие профессионалы.

– Ладно, – пробурчала скандалистка, – продолжайте свою лекцию.

Я мысленно зааплодировала Хансон. У Елены молниеносная реакция, она мигом сообразила, что нужно сказать противной тетке. На вид Мэри за шестьдесят, но лишний вес прибавляет возраст. Ладно, пусть вздорной бабенке лет на пять меньше, она точно на пороге пенсии. Но благодаря хитрости владелицы замка, назвавшей Лесински тридцатилетней, вздорная особа наконец-то замолчала.

К чему я это все вспоминаю? Да чтобы вы поняли, что вчера у меня не было времени на изучение комнаты и санузла. После того как я вырвалась из цепких объятий дивана, я так устала, что нырнула под одеяло, забыв помыться. И вот теперь я наконец-то получила возможность обозреть свой номер.

Спаленка оказалась маленькой, основную ее часть занимала кровать с резной деревянной спинкой. Еще здесь имелись шкаф без зеркала, столик, кресло, пуфик и узкое, смахивающее на бойницу окно под самым потолком, из него проникал свет.

Я хотела опять лечь, ощутила легкое покалывание в нижней части тела, поерзала, услышала шуршание и пощупала матрас. Под домотканой тканью шуршало нечто, напоминающее сухую траву. Переполнившись любопытством, я встала, тщательно изучила постельные принадлежности и поняла: на кровати лежит тюфяк, наполненный мелко нарубленным сеном, а подушка… Видели вы когда-нибудь плюшевые игрушки, внутри которых перекатывались мелкие шарики? Подушка оказалась на них похожа, только наперник содержал какую-то круглую шелуху. А в пододеяльник засунули шкуру, кому она принадлежала до того, как стала пледом, я не поняла. Может, козе?

Я распахнула шкаф. Моя одежда аккуратно висела на крючках. Наверное, в четырнадцатом веке «плечики» еще не придумали. Стыдно сказать, но я понятия не имею о быте тех времен. Да что там тысяча триста какой-то год! Вы можете рассказать, как выглядела ванная комната вашей прапрабабушки? Допустим, она родилась в тысяча восемьсот девяностом году, вроде не так давно. У нее было мыло? Шампунь? Зубная паста? Крем для лица? В ее доме работал душ? Стоял унитаз? На каком матрасе она спала? Как выглядели ее тапочки? Халат? Я могу припомнить, что в девятнадцатом веке случилось восстание декабристов, но чем они завтракали? В это же время творили Пушкин, Лермонтов, Стендаль, Бальзак, Гоголь, Дюма, была война с Наполеоном, Франц Шуберт, Иоганнес Брамс, Петр Чайковский, Глинка, Алябьев писали чарующую

музыку. Но какие напитки они предпочитали? Чай? Кофе? Какао? Последний был известен в девятнадцатом веке или еще нет? Как Михаил Кутузов натягивал сапоги? Судя по портретам, они у него высокие, узкие, а военачальник не отличался стройностью, сомневаюсь, что он легко впихивал ногу в голенище. Кто ему помогал? Денщик? Или было какое-то хитрое приспособление, сегодня начисто забытое за ненадобностью? Не так давно мой муж Макс удалил выступавшую вену на лодыжке, и врач велел ему некоторое время носить специальные эластичные чулки. Не могу описать, как Макс пытался их натянуть, потом одна знакомая посоветовала ему приобрести смешную проволочную конструкцию, здорово облегчающую этот процесс. Вероятно, нечто подобное существовало в девятнадцатом веке для мужчин, которые носили сапоги?

Про музыку, литературу, живопись того не столь далекого от нас времени я худо-бедно знаю. Но про быт ничего! Что тогда люди ели? Черную икру с осетриной? Ну не каждый же день, этак все от панкреатита могли бы вымереть. И как врачи делали операции? Например, удаляли аппендицит. Летом по телевизору на каком-то канале показывали документальный фильм, рассказывающий об истории анестезии. Помнится, я была потрясена, узнав, что первое вмешательство с применением наркоза провел хирург-дантист Томас Мортон осенью тысяча восемьсот сорок шестого года. А раньше-то как? Нужно было терпеть, пока тебя режут скальпелем? Я понятия не имею о том, как жили люди в относительно недалеком девятнадцатом веке, а шестнадцатый и вовсе скрыт во мраке, могу назвать лишь пару имен деятелей культуры того времени: иконописец Дионисий и первопечатник Иван Федоров. И какую одежду они носили? Ходили в лаптях? Ботинки когда придумали?

Придавленная собственной дремучестью, я открыла узкую дверь, сколоченную из темных досок, и очутилась в ванной размером с банку собачьих консервов. Зеркала у рукомойника не было, а сам умывальник представлял собой таз с дыркой, стоящий на высоком табурете. Над ним в держателе висел большой кувшин с длинным носиком, крышка у него отсутствовала. По соседству с тазиком находилась доска, приделанная к стене, на ней в глиняной тарелке лежало нечто коричневое, бесформенное. Я взяла непонятный предмет и понюхала его. Смахивает на сваренное дома мыло. Чуть поодаль стояла пиала с желто-розовой массой. Я пощупала ее пальцем. Крем! А насыпанный в деревянную коробочку толченый мел и палочка, к которой привязан кусок серой ткани, дальние родственники зубной щетки и пасты. Ну уж нет, не собираюсь пользоваться всем этим. В чемодане есть привычный косметический набор. А где же душ? С туалетом понятно, его роль исполняет стул, под которым стоит нечто, похожее на деревянную кадку. Постояв недолго

в задумчивости, я принесла свои мыло-крем и все прочее и дернула кувшин за ручку. Он на мгновение перевернулся, потом принял прежнее положение, из носика капнуло чуть-чуть воды. Безостановочно пиная «кран», я умудрилась кое-как умыться, а вот на чистку зубов воды не осталось. Ну и как тут принимают душ? Я взглянула на потолок, заметила небольшое отверстие и сообразила: из него должна литься вода. Но как включить устройство?

Я встала прямо под дыркой и замахала руками, ничего не произошло. Потом мне пришло в голову попрыгать, снова безрезультатно. Ежась от холода, я начала внимательно изучать стену, обнаружила железное кольцо и потянула за него. Послышался натужный скрип, на голову рухнул водопад. От неожиданности я заорала, шарахнулась в сторону, поскользнулась на каменном полу, падая, умудрилась схватиться руками за «унитаз», устоять на ногах, выпрямиться и услышала булькающие звуки, доносящиеся с потолка.

Так, понятно. Где-то наверху находится большое ведро. Если потянуть за колечко, оно переворачивается и на человека обрушивается вода, регулировать интенсивность струи и ее температуру невозможно. Не могу сказать, что «душ» ледяной, но и не горячий, он чуть-чуть теплый. Хорошо, что у меня короткая стрижка, длинные волосы тут проблематично помыть. Принимать душ в этих условиях надо так же, как когда-то мылись мы с мамой на даче во дворе. Ну, знаете, в такой деревянной будке, на крыше которой установлена бочка. Сначала надо намочить тело, затем закрутить кран, намылиться, опять открыть кран и смыть пену. Вот тогда воды хватит. Да, я не жила в шестнадцатом веке, но мое раннее детство прошло в Подмосковье, в селе Переделки, и местное сантехническое оборудование мало чем отличалось от установленного в гостинице замка Олаф. В Переделках отсутствовали канализация, водопровод, магистральный газ, электричество работало с перебоями, его постоянно отключали. Не в новинку мне шестнадцатый век!

Вздрагивая от озноба, я налила на мочалку гель, старательно намылилась, встала под отверстие, дернула за колечко… Оооо! На сей раз вода оказалась холоднее.

Буль-буль-буль, – донеслось с потолка. Я посмотрела на руки-ноги. Мда, пены полно. Глаза защипало. Ну-ка повторим!

Обрушив себе на голову пятую порцию ставшей теперь ледяной воды, я с запозданием поняла, что использовать гель – роковая ошибка. Он приятно

пахнет, но сильно пенится, рассчитан на то, что его смоют большим количеством воды. Может, вечером попробовать местное мыльце? Выглядит брусок жутко, но, вероятно, он неплох по качеству, и принятие душа не займет уйму времени.

Я снова потянула за кольцо, на макушку упала очередная порция студеной воды, веки сами собой приоткрылись. Глаза немилосердно защипало, я зажмурилась, уронила мочалку, попыталась нашарить умывальник, но он почему-то никак не попадался. Правая нога задела нечто мягкое, я решила не терять оптимизма. Не смогла нащупать в крошечной ванной кувшин? Зато нашла губку! В голову мигом пришла идея.

Я потянула за колечко и подняла руки над головой. Я моюсь такой квадратной штукой, у которой одна сторона мягкая, а вторая из люфы. Нежная часть прекрасно впитывает воду, сейчас аккуратно протру лицо, может, тогда наконец гель перестанет есть глаза. Ну зачем только я налила его на волосы!

Я начала возить по мордочке мокрой губкой и удивилась. Почему она такая скользкая? И на ощупь не мочалистая, напоминает липкую и одновременно всю в пупырышках мармеладку. Вдруг любимая мочалка стала царапаться и дергаться. Это было совсем уж странно. Я открыла глаза и онемела. В моей руке оказалась зажата большая пучеглазая, весьма сердитая жаба.
Я не принадлежу к женщинам, которые начинают судорожно визжать, увидев мышь, лягушку или червяка. Но, согласитесь, понять, что ты терла лицо жирной квакушкой, это уж слишком!

Я заорала и разжала пальцы. Жабенка плюхнулась на пол, резво прыгнула в сливное отверстие и была такова. Я схватила кусок холщовой материи, предлагавшейся вместо полотенца, живо завернулась в него и выскочила в комнату. Душ с жабой произвел на меня сильнейшее впечатление.

Глава 7

За завтраком все члены группы бурно выражали свое мнение о гостинице.

– Жесть, – злилась Галина, – вай-фая нет, телека тоже.

– Это как раз хорошо, – перебил ее отец, – я вот весь исчесался. Из чего у них матрасы?

– Из сухого навоза, – ехидно уточнила добрая доченька.

– Галя, веди себя за столом прилично, – одернула ее Валентина.

– И чё, назвать дерьмо дерьмом нельзя? – кинулась в атаку девица-красавица.

– У нас хорошая кровать, – сказала Нонна, – мы спали отлично, правда. Леша?

Парень кивнул.

– И понятно почему, – усмехнулась Мэри, – любовь согревает и любую перину, даже такую отвратительную, как местная, делает пуховой. Не краснейте, все мы когда-то были новобрачными.

– Кроме моих родителей, – не преминула заметить Галя, – они всю дорогу зануды.

– Без любви, деточка, ты бы на свет не появилась, – заметила Мэри.

– Голимый секс тут ни при чем, – заржала десятиклассница.

Мэри метнула в нее злой взгляд, но, не сделав дурно воспитанной девочке замечания, сменила тему:

– Арсений, ваши впечатления от бытовых условий?

Тот оторвался от каши.

– Все нормально.

– Вас не смутила холодная вода в душе? – наседала Лесина.

– Да нет, – улыбнулся Рурин, – мне приходилось в разных местах бывать, я не привередлив. Дождь на голову не льет? Постель не мокрая? Отлично. Если крыша протекает, я в плащ-палатку завернусь, и готово.

– Мы же знали, что отель необычный, – подхватила Валентина, – поэтому не шокированы. Наоборот, интересно узнать, как в древности быт обустраивали.

– А мне не нравится, – повысила голос Мэри.

– Можно переехать в нормальный отель, – напомнил Арсений, – хозяйка об этом вчера сказала.

– Хочу тут остаться, – капризно протянула Мэри.

– Доброго утречка всем, – произнесла полная женщина, вплывая в зал. – Как завтрак?

– Отстой, – охарактеризовала еду Галя, – дерьмо.

– Галя, – дернула ее мать. – Спасибо, очень вкусно.

– Ха-ха, – с издевкой выпалила девочка, – ты всегда говоришь: лгать грешно, а сейчас врешь. Слышала я, как ты папе шепнула: «Что за … подали? Ее словно корова жевала и сблевала». Ма, ты в курсе, что слово … матерное? Чё там твое отменное воспитание о таком выражении говорит?

Валентина сжала губы, я поняла, что сейчас разразится скандал, и предприняла отчаянную попытку не дать ему вспыхнуть:

– Завтрак замечательный, необычный. Очень вкусно, но я не поняла, из чего каша? И, простите, кто вы?

Толстушка хлопнула себя по бокам.

– Вот я молодец. Не представилась. Беата. Повариха. На завтрак подала овсянку по фирменному рецепту короля Магнуса с изюмом, корицей и орешками.

Я удивилась. В далекие века в скандинавских странах использовали пряности и сушеный виноград?

– В нашей школьной столовке тоже постоянно эксперименты устраивают, – скривилась Галина, – там психованная Маргарита управляет, сестра директора, поэтому мы ваще такое жрем! Даже крыса подохнет от такой вкусной жрачки.

– Совершенно не похоже на овсянку, – отрезала Мэри. – Правда, Андре? И сахара много.

Муж кивнул.

– Подсластителя нет, – объяснила Беата, – в Средневековье сахар дорого стоил, его при готовке не использовали. Ели его, как конфеты, к чаю. И каша не из хлопьев. Я толкла овес, потом варила его, он сам по себе сладкий. Очень полезный. Сплошные витамины. Почему лошади здоровы? Они овес едят.

Мэри швырнула на стол деревянную ложку.

– Что за намеки? Я, по-вашему, конь?

– Кобыла, – хихикнула Галя, – у коня есть такое, чего у вас точно нет.

– Уже потрапезничали? – спросила Ирина, врываясь в столовую. – Отлично. Беата роскошно готовит.

– Могу вам возразить, – процедила Мэри.

Ирина сделала вид, что не слышит ее.

– Ну, готовы пойти на экскурсию? Покажу вам музей костюма. Все представленные там экспонаты подлинники. Коллекция одна из лучших в Европе, она находится в Восточной башне.

– Секундочку, – процедила Лесина, – разве горничная имеет право демонстрировать экспозицию? Это обязанность госпожи Хансон.

Ирина отступила на шаг.

– У меня высшее образование, и я не горничная, хотя в этом ничего стыдного нет. Работаю в Олафе на должности режиссера-постановщика массовых мероприятий. Еще в моем ведении костюмерные, и я берусь подготавливать гостей к балу. Из вашей группы ко мне прикрепили Евлампию.

– Хансон вчера сказала, что мы начнем день со знакомства с замком, – повысила голос Мэри. – Андрэ, подтверди!

Муж кивнул.

– Вот и двинемся в музей, он же в замке находится, – еще шире улыбнулась Ирина, – обещаю, вы будете в восторге.

– Тут есть кафе с нормальной едой? – заныла Галина.

Беата спрятала руки под цветастый передник.

– Что вы имеете в виду?

– Гамбургер, картошка фри, – начала загибать пальцы школьница, – мороженое в стаканчике, кола.

Повариха расправила плечи.

– Харчевни быстрого питания у нас не прижились. В центре города есть рестораны: итальянский, французский, еще пельменные, блинные, пирожковые. Еда вкусная, не особенно дорогая.

Галя скорчила мину.

– Пельменная! Я чё, в городе Свинозадогорске? Думала, за границу отдыхать поехала.

Беата одернула фартук.

– Вы не в Москве или в Питере, но исторически сложилось так, что здесь много русских, поэтому пельмени и пироги пользуются популярностью.

– Каша замечательная, – решил сгладить хамство дочери Кирилл Григорьевич, – положу-ка себе добавки.

Он встал, взял стоявшую на столе фарфоровую емкость и спросил у жены: – Хочешь еще?

– Не… – начала Валентина, но договорить не успела.

Рука Кирилла, в которой он держал супницу, изогнулась в запястье, подломилась… Супница упала на пол, в разные стороны брызнул веер осколков. Каша осела на полу, на скатерти, на одежде Нонны и Алексея, на волосах Гали…

– Папа, блин, – завизжала дочь, – ты косорукий.

– Ерунда, сейчас уберем, – засуетилась Беата, – не беспокойтесь.

– Никто и не волнуется, – процедила Мэри, – гость не должен сам себе еду накладывать. На вашем сайте написано, что отель Олаф имеет пять звезд.

– Да, у нас все для вас, – защебетала Ирина.

– Кроме лакея, который стол обслуживает, – фыркнула Мэри.

– Валерия! – крикнула Ира.

В столовую вбежала высокая худая девушка в фартуке и начала орудовать тряпкой. Меня восхитили ее роскошные длинные белокурые волосы. Уборщицу никак нельзя назвать красавицей, но локоны у нее всем на зависть.

– Эй, поосторожнее, ты меня по ногам лупишь, – сделала ей замечание Галя.

Валерия подняла голову, посмотрела на нее, но ничего не сказала.

– Если не умеешь пол мыть, то лучше дома сиди, – не успокоилась Галина.

Девушка, не произнося ни слова, старательно убирала кашу и осколки.

– Во нахалка, – разозлилась девчонка, – намочила мне джинсы и не извинилась! Это ваще как? Красиво?

– Валерия, попроси прощения, – велела Беата.

Девушка выпрямилась, повернулась к Гале, низко поклонилась и снова схватилась за тряпку.

– Она издевается, – рассвирепела девица, – кривляется! Рот раскрыть не хочет. А ну, говори немедленно: «Простите меня». Иначе нажалуюсь хозяйке, и тебя выпрут.

Валерия подняла голову и сделала ею движение, которое определенно означало: «нет».

– Хамка! – топнула ногой Галя.

Я с трудом сдержалась, чтобы не сказать скандалистке: «Уборщица ненамного старше тебя, но ей не повезло иметь обеспеченных родителей. Тебе не стыдно так себя вести?»

– Иди, Лерочка, – попросила Беата, – выпей чайку на кухне.

Поломойка убежала.

– Супер! Ей еще пирожных за наглеж дают, – покраснела Галя.

Беата взглянула на Ирину, та перестала улыбаться.

– Валерия немая. Она умеет издавать звуки вроде ой, ай, ох. Но слышит хорошо. Лерочка не издевалась, она извинилась, как могла, с помощью поклона. Простите ее, Лера не хотела вас обидеть.

Галя отвернулась к окну, в столовой стало тихо. Я решила разрядить тягостную тишину.

– А где Софья?

– С мигренью свалилась, – ответила Ирина, – сказала, завтра огурцом встанет.

– Хорошо, когда можно поваляться, – вздохнула Беата, – мы тут все, включая госпожу Хансон, в шесть утра уже на ногах.

– Ну, двигаем в музей? – предложила Ирина Эклунд.

– Надо зайти в номер за верхней одеждой, – пробормотала Валентина.

– В прихожей висят плащи на овчине и ждут сапоги на меху, вам будет тепло, – пообещала экскурсовод.

– Фу, – закапризничала Мэри, – влезать напедикюренными ножками в грязные чоботы?

Мне надоело слушать недовольные замечания членов группы. Я встала, вышла в холл, натянула плащ, надела обувь, смахивающую на угги, и вышла на улицу.

Несмотря на март месяц, вокруг лежал снег, воздух был упоительным, пахло свеженарезанными огурцами. Я решила пройтись немного по двору, дошла до угла здания, обогнула его и увидела «Скорую помощь» с маячком на крыше. Кому-то из хозяев или прислуги стало плохо. Маленькая дверь в стене распахнулась, оттуда вышла фигура в куртке, я юркнула под навес с дровами и спряталась за поленницей. Теперь я не видела происходящего, но звуки беспрепятственно долетали до моих ушей.

– Не волнуйся, Карл, – пробасил мужской голос, – сделаем что можем.

– Я поеду с вами! – воскликнул муж Елены.

– Нет необходимости, она без создания.

– Когда очнется, я хочу быть рядом.

– Поступим иначе, если Лена очнется, я сразу тебе позвоню.

– Эй, что значит «очнется»?

– Все будет хорошо, нам пора, оставайся дома.

– Нет!

– От тебя не будет никакого проку в клинике.

– Нет. Хочу держать ее за руку.

– В операционную тебя не пустят. Все! Нет времени на болтовню.

– Она выживет?

– Ранение глубокое, но она должна поправиться.

– Ты же никому ничего не скажешь? Нам шум не нужен!

– Уже пообещал. О нападении ни одна душа не узнает. Скажем, что случился инфаркт, вовремя сделали операцию, поставили стенты, Елена проживет еще сто лет.

– Она же не умрет?

– Пора ехать!

– Я с вами.

– Хорошо, – сдался собеседник Карла, – залезай внутрь.

Раздалось фырчанье, потом шорох шипованных шин. Я вышла из-за поленницы. Госпожу Хансон серьезно ранили? Кто? Почему? Похоже, Карл и доктор не собираются извещать о случившемся полицию. Что произошло ночью в замке?

Глава 8

Костюмы мы рассматривали около двух часов, под конец экскурсии я слегка устала. В залах пахло пылью, дезинфекцией, царил полумрак, и у меня начала кружиться голова.

– Дышать нечем, – пожаловалась Мэри, вынимая из сумочки веер, – но я стреляный воробей, знаю, что с собой в музей прихватить надо: бутылку воды и личный ветер.

– Можно вашим сквознячком воспользоваться? – жалобно попросила Валентина.

Мэри неожиданно согласилась.

– Хорошо, становитесь рядом.

– Почему тут кондиционера нет и темно? – поинтересовалась Нонна.

– И запах странный, – добавил Кирилл Григорьевич.

Ирина остановилась, мы все, покорно шагавшие за ней, тоже замерли.

– Платья и костюмы настоящие, им несколько веков, – пустилась в объяснения экскурсовод, – свет приглушен, чтобы не выцветала ткань, раз в год в музее проводят дезинфекцию. Увы, в Олафе водятся мыши и…

– …жабы, – вздохнула я.

Ира удивилась.

– Да. Откуда вы знаете?

– Сегодня одна квакушка заглянула в мою ванную, – пояснила я.

– Да, они ловко пробираются по старинным водостокам, – вздохнула экскурсовод, – это неразрешимая проблема. Говорят, в холодное время жабы в спячку впадают, но наши всегда бодрствуют.

– Жабенки в номерах? – вытаращила глаза Мэри. – Думала, я все про отели знаю, ан нет, жизнь подбрасывает сюрпризы. Странно, что гостиница, в которой царит полный бардак, еще держится на плаву! Небось выживает за счет непритязательных русских туристов, которые слаще Египта ничего не видели.

Ирина решила сменить тему.

– Сейчас мы с вами входим в последний зал.

– Наконец-то, – закатила глаза Галина, – надоело дерьмо рассматривать!

Ирина, не обращая внимания на слова девочки, вещала:

– Экспозиция называется «Чудесное спасение». Вы уже знаете, что замок Олаф всегда принадлежал Хансонам. С давних времен жители нашего города были вассалами этой семьи, мужчины которой являлись мудрыми, справедливыми правителями. Все население молилось, когда жены старших сыновей беременели. Династии требовался наследник. Если у Хансонов появятся одни девочки, конец фамилии, и тогда Олаф окажется в руках семьи Лагер, это будет сильным ударом для населения. Лагеры полная противоположность Хансонам, их никогда нельзы было назвать сострадательными. Почему замок со всеми землями отойдет в чужие руки? По какой причине не перейдет, допустим, к старшей дочери Хансонов? Магнус, тот самый, что возвел Олаф и женился на знатной русской боярыне, составил документ под названием «Правило Олафа». Это большой манускрипт, в котором дотошно регламентируется жизнь замка, запрещается закладывать и продавать его, и там же определен порядок наследования. Олаф не может быть передан по женской линии. Только по мужской и только старшему сыну. Младший получит трон лишь в случае смерти брата, его неспособности исполнять обязанности владыки или если основной дофин запятнал свою честь. В истории Олафа бывали случаи, когда

младший сын садился на трон. В тысяча триста девяносто девятом году в одной из битв погиб Эдвард, править стал Улаф. В тысяча четыреста десятом во время эпидемии чумы скончался Карл, место на троне занял Олег. Могу привести еще примеры, когда старшие сыновья уходили в мир иной и их заменяли младшие. Но никогда ни один из Хансонов не был отстранен от власти за бесчестье.
А при чем тут семья Лагер? Правнук Магнуса Ян привез себе жену из России, выполнил указание прадеда, он соблюдал написанное им «Правило Олафа», велевшего всем сыновьям семьи Хансон соединять свои судьбы с русскими девушками. Ян законную супругу не любил, у него была фаворитка Сельма Лагер, которая родила кучу детей. Ян единственный из всех поколений Хансонов ухитрился переписать «Правило Олафа», он воспользовался тем,
что в документе нигде не упоминалось, что его нельзя править или дополнять. Ян внес в него пункт, что при отсутствии у Хансонов сыновей замок, власть, имущество, земли и прочее наследует мальчик из семьи Лагер. А чтобы потомки не посмели наплевать на его волю, Ян совершил то, о чем не позаботился его прадед Магнус, вписал в документ фразу: «Никто и никогда не имеет права ничего исправлять в «Правиле Олафа», да постигнет ослушника кара небесная, да поразит его чума». Нынешний хозяин замка господин Карл единственный сын у своих родителей. Господа Виктор и Мартина очень беспокоились за его безопасность. До восемнадцати лет мальчик нигде не ходил один.

– Жесть! – буркнула Галя.

А я от души посочувствовала юноше. Отлично знаю, каково это – находиться под неусыпной опекой. Моя мама обожала свою поздно рожденную дочь и держала ее под колпаком[2 - О детстве Евлампии Романовой рассказано в книге Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника».].

– Но рано или поздно пришлось дать сыну свободу, – вещала Ирина, – Карл поступил в университет, там встретил Елену, у них вспыхнула любовь.

– Я думала, ваша хозяйка из одного города с мужем, – заметила я.

– Нет, – возразила Ира.

– У Мартины был один ребенок? – уточнила я.

– Да, – не моргнув глазом, солгала Ирина. – Господь только раз обрадовал хозяев. К сожалению, Виктор, супруг Мартины, умер вскоре после свадьбы Карла. Сын был молод, но он успешно справлялся с обязанностями хозяина.

Я принялась отчаянно врать:

– Перед тем как отправиться в Олаф, я прочитала о замке в Интернете. В одной из статей указывалось, что у Хансонов было двое детей, старший Эдмунд и младший Карл. Почему же замок достался второму ребенку? Эдмунд умер?

Ирина взглянула на меня безмятежными голубыми глазами.

– Не верьте всему, что сказано в Интернете. Журналисты часто публикуют непроверенные факты, а некоторые специально придумывают сенсации. Нет, в семье Хансон был только Карл, и он чуть не погиб!

– Да что вы говорите! – ахнула Валентина. – Как же так? Если мать глаз с него не спускала…

Экскурсовод показала указкой на отгороженную бархатным красным шнуром часть зала.

– Перед вами реконструкция тех событий. Карл женился на Елене, спустя некоторое время после свадьбы они объявили радостную весть: молодая жена беременна. Чтобы отпраздновать столь знаменательное событие, супруги решили поехать в соседний городок, там они провели романтический вечер в ресторане на мельнице, естественно, без капли вина, и поехали назад. На свадьбу Карлу подарили машину. Молодые Хансоны порулили по дороге, и, Карл, не очень опытный водитель, не справился с управлением на крутом повороте. Вы видите здесь макет иномарки, она стоит носом в кювет. В момент аварии Елена сломала правую руку, а ее муж ударился головой о руль и потерял сознание. Мобильных тогда не было, позвать на помощь госпожа не могла.

Ирина рассказывала, как Елена пыталась вытащить супруга, как вспыхнул пожар, как приехал ветеринар с женой, и завершила сагу словами:

– В Олаф тогда не пускали туристов. Двери замка для экскурсантов первыми из всех господ открыли Карл и Елена. Мартина не хотела видеть в родовом гнезде посторонних. Но, поняв, что сын с невесткой выжили в ужасной аварии, она на следующее утро после происшествия велела сделать комнату-музей и разрешила всем желающим посещать ее абсолютно бесплатно. Госпожа Мартина хотела, чтобы народ увидел, какой беды избежал Карл, и благодарил Бога за спасение владельца Олафа.

Слушая Ирину, я рассматривала экспонаты, представленные в стеклянной витрине, обратила внимание на золотые запонки, на которых мелкими блестящими камушками была выложена буква «С», и удивилась.

– Простите, это вещи тех, кто попал в аварию? – поинтересовалась я.

– Да, да, – кивнула Ирина, – костюм Карла, его рубашка. Видите, воротничок обгорел?

– Ужас! – прошептала Валентина. – Не дай Господи такое пережить.

– Пиджачок-то без изъяна, – отметила Мэри.

– Вы очень наблюдательны, – похвалила ее Ира. – Карл снял его и повесил в салоне, зацепил вешалку за держатель над стеклом. Многие мужчины так поступают, чтобы не мять одежду, а потом, приехав, надевают ее.

– Кошмар, – поежилась мать Галины.

– Да ладно тебе, ма, все живы остались, – одернула ее школьница.

Ирина тем временем тыкала указкой в стекло.

– Плащ Елены, ее туфли, сумочка, шаль…

– А запонки чьи? – задала я вопрос дня.

– Господина Карла, – терпеливо пояснила экскурсовод. – Мартина не только решила организовать экспозицию «Чудесное спасение». Она еще наградила

моего отца орденом Чести, который основал Иоханн Хансон, владевший замком с тысяча триста пятого по тысяча триста сороковой год. В народе этого правителя звали Веселым. Кстати, о запонках. Сейчас сорочки, которые массово продаются в магазинах, производят с пуговицами. Но дорогие варианты и те, что сшиты специально на заказ, всегда имеют прорези для запонок. Аксессуары, представленные вниманию посетителей, были подарены господину Карлу отцом на двенадцатилетие. Виктор заказывал их в Париже у самого известного и дорогого тогда ювелира Фредерика Санту.

– Сразу видно, шикарная вещь, – с завистью произнесла Нонна, – настоящие бриллианты.

– Через витрину любая ерунда выглядит хорошо, – язвительно заметила Мэри, – но многие не понимают, что у них на пальце, даже уткнувшись в кольцо носом. Вон у Нонны цирконий, а выглядит богато.

– Ошибаетесь, – вспыхнула студентка, – Леша мне брюлик купил.

Мэри снисходительно улыбнулась.

– Детонька! Тебя обмануть легко. Но меня нет. Ну-ка, дай украшение.

Нонна стянула с пальца кольцо.

– Держите, но зачем оно вам?

Лесина приблизилась к окну и чиркнула по стеклу только что полученным кольцом.

– Ну? Где царапина?

– И что? – не поняла Галина. – Нет никакого следа.

Мэри снисходительно на нее посмотрела.

– То-то и оно, дорогая. Настоящий бриллиант действует вот так!

Дама поднесла кисть к тому же месту и сделала резкое движение.

– Ух ты! Прямо зигзаг, – восхитилась Галя.

– Да, потому что у меня настоящий алмаз, – завершила выступление Мэри. – Знаете, Алексей, помолвочное кольцо особенное, если ваш брак выстоит в житейских невзгодах, Нонне предстоит носить его долгие годы. Мужчина не должен жадничать. Невесте надо преподносить, как теперь принято говорить, «брюлик». Пусть он будет небольшим, но настоящим.

Нонна опустила глаза.

– Меня обманули, – зачастил Алексей, – продавщица сказала: кольцо с бриллиантом. Нонка, честное слово, чек тебе покажу, я дорого заплатил.

Галя толкнула Валентину в бок локтем.

– Ма, чего молчишь? Скажи ей!

– Кому и что говорить? – не поняла старшая Ручкина.

Лицо дочери сморщилось так, словно она угостилась лимонным соком.

– Ваще крутяк. Не врубаешься, да? Меня замечаниями долбишь: «Галя, думай, что говоришь. Галя, не ляпай, что попало. Галя, твои высказывания ранят человека». А сейчас тормозишь? Объясни этой старой мочалке, что неприлично чужое помолвочное кольцо обсирать! Какое ей дело, из чего оно? Увидела, что камень не брюлик, а дерьмовый? Ну и запихни кулак в рот. Нонне же обидно!

Я мысленно зааплодировала девочке. Ай да Галя! Молодец. Когда Мэри разглагольствовала, взрослые интеллигентно молчали, а школьница высказалась откровенно.

– Меня торговка обдурила, – жалобно повторил Леша, – и не важно, какой камень, главное, я тебя люблю.

Нонна молча кивнула.

– Детонька, когда муж говорит: «Дорогая, я не могу осыпать тебя подарками, но главное: люблю тебя», надо возразить: «Да, любовь прекрасна, но кушать хочется всегда. Почему я должна завидовать подруге, которую муж закутал в меха и обвесил настоящими драгоценностями?» – менторски сказала Мэри. – Мужик без денег – самец в брюках. И не наше дело, где он деньги на покупки для жены найдет. Только жадины твердят: «Я же тебя люблю, значит, ты счастлива». Нет, милый, идя по морозу в дешевых сапогах, чтобы сесть в набитую людьми маршрутку, я не чувствую себя прекрасной дамой, защищенной от жизненных невзгод. И пальтишко на рыбьем меху меня не греет, и сумка из клеенки не радует, и духи фабрики «Аромат Задрипинска» не приводят в восторг. Слов о любви мне мало, их на плечи не накинешь, они не соболя, от холода не спасут. В уютной собственной машине, в облаке французского парфюма, закутавшись в мягкую шубку, я буду чувствовать себя во сто крат лучше. Если ты меня сильно любишь, почему не хочешь одеть, как королеву, и обеспечить мне достойную жизнь? Неужели не понимаешь, что кольцо с цирконием плевок в мою душу? Уж лучше тогда просто золотой ободок без камня, с гравировкой». Учти, детонька, чем больше мужик в бабу вложил материально, тем сильнее он ее ценит. И разводиться он не станет, ему будет жаль потраченного.

Повисла тишина. Когда молчание стало тягостным, я его нарушила.

– А почему на запонках Карла выложена буква «С»?

Ирина обрадовалась возможности уйти от обсуждения кольца студентки:

– Неужели вы не догадались? Это инициал имени нынешнего владельца замка!

– Но Карл пишется через «К», а не через «С», – возразила я.

– Это по-русски, – нашла ответ экскурсовод, – а по латыни Carl.

– Нет, – возразил до сих пор молчавший Арсений, – посмотрите на табличку на стене. Она на нескольких языках. На русском написано: «Чудесное спасение Карла и Елены Хансонов». И понятно почему, если в начале будет «С», то прочтете, как «Сарл». Но и на басурманском языке указано: «Karl». И вот проспект, я взял его на ресепшен, он предназначен для туристов, текст

переведен на немецкий, французский, итальянский, испанский… и везде Karl. Почему на запонках «С»?

– Не могу ответить, – честно призналась Ирина, – никогда не обращала внимания на букву. И никто не замечал. Вы, Лампа, первая такая внимательная. Может, Виктор ошибся, когда заказывал запонки? К сожалению, спросить, почему на застежках не «К», а «С», ныне не у кого. Мартина и Виктор скончались, хотя я могу поинтересоваться у Елены, вероятно, она в курсе. Естественно, есть какое-то разумное объяснение. Я знаю, что, когда господин Карл очутился в клинике, его одежду отдали матери, которая сидела в коридоре. Елена была у врачей, ей делали рентген, гипсовали руку. Мартина сразу велела сделать экспозицию и выставить там платье Елены с окровавленным рукавом, рубашку сына с обгорелым воротником и все остальное. Но мать сама ни разу музей не посещала, и Карл, и Елена сюда никогда не заходили и не заходят, думаю, они не хотят будить тяжелые воспоминания. Евлампия, вы такая глазастая и внимательная. Сколько раз я к витрине народ подводила! И ведь ни один человек, ни я сама не удивлялись букве «С».

Глава 9

Не успела я подойти к своему номеру, как дверь соседнего приоткрылась и оттуда выглянула Софья.

– Эй, – зашептала она, – сюда.

Я приблизилась к ней.

– Как самочувствие? Мигрень отпустила?

Соня схватила меня за руку и втянула в свою комнату.

– Я ничем не болею.

Я сделала шаг в сторону.

– Почему тогда не спустилась к завтраку?

– Потому что все туда пошли, – невпопад ответила Гурманова, – ты должна мне помочь. Что ела утром? Чем в столовой угощали?

– Овсяной кашей по старинному рецепту, из дробленого зерна, – объяснила я, – с корицей. Не совсем обычный вкус, но вполне съедобно. Еще наливали напиток из каких-то трав. Вот он понравился мне меньше. Похоже, его с анисом готовили, который я терпеть не могу.

– Отлично, – обрадовалась Софья, – скажи Ирине, что у тебя с желудком беда приключилась. Твои кишки бурно отреагировали на новую пищу. Теперь сидишь на унитазе и не сможешь поехать на экскурсию по окрестностям. Останешься со мной.

– Чувствую себя прекрасно, – возразила я, – не намерена тухнуть в замке. Тебе лучше обратиться к врачу. Я не разбираюсь в медицине, не знаю, что лучше от головной боли принять, не имею при себе тонометра. Может, твое плохое состояние спровоцировало высокое давление. Давай попрошу Ирину вызвать доктора.

– Уже сказала, что я совершенно здорова, – прошипела Софья. – Ну ты и не сообразительная. Мне необходима твоя помощь.

Я начала сопротивляться.

– Не хочу опоздать на экскурсию.

Хозяйка номера схватила меня за руку и объявила:

– Я расследую серьезное преступление. Каждый добропорядочный гражданин обязан помогать полиции.

Я округлила глаза.

– Ты сотрудник МВД?

– Бери выше, Интерпола, – заявила Софья. – Теперь ясно, по какой причине тебе придется отменить дурацкую поездку? Дело государственной важности.

Я всплеснула руками.

– Боже! Ну и ну! Ты агент!

Софья резко выпрямилась.

– Не имею права называть свою должность, но давно перестала быть рядовой.

– С ума сойти, – восхищалась я, – кого только не встретишь на отдыхе. В прошлый раз в Тунисе с нами в гостинице жила писательница Милада Смолякова. К ней все русские за автографом ходили, и я подтянулась. Мне книги Милады нравятся. Хочешь, наше с ней фото покажу? Оно в телефоне хранится.

– Не до глупостей сейчас, – отмахнулась Софья. – Слушай приказ. Сообщаешь Ирине о поносе, остаешься в замке…

– У всех, кто служит закону, есть служебное удостоверение, – перебила я тетку. – Покажи свое.

Гурманова скрестила руки на груди.

– Не веришь мне?

– Доверяй, но проверяй, – не дрогнула я, – встречаются подчас мошенники. Да кому я про аферистов объясняю? Ты о них лучше моего знаешь.

– Документ нельзя давать в руки чужому человеку, – уперлась Софья.

– Но показать его перед началом разговора с гражданином агент обязан, – возразила я.

Софья взяла со стола сумочку, вытащила оттуда черную книжечку и раскрыла ее. С одной стороны я увидела сверкающий золотой жетон, с другой

в прозрачном кармашке лежала пластиковая карточка с фотографией Софьи. Через весь документ шла надпись темно-синим шрифтом FBI.

Мне стоило больших усилий не расхохотаться. Ну, начнем с того, что ФБР и Интерпол разные организации. И у сотрудницы последней будет другой документ. Значок, безусловно, красивый, но у Макса есть приятель, который на самом деле работает в Федеральном бюро расследований, я любовалась его жетоном и понимаю, что сейчас вижу значок по размеру меньше подлинного, и на нем выбиты слова: «Citi of New York Police». Даже моих более чем скромных познаний в английском языке хватает, чтобы понять их смысл. Значит, передо мной сотрудница Интерпола с удостоверением фэбээровца и значком полицейского Нью-Йорка. Интересное сочетание. Но самое забавное – фото на пластиковой карте. Софья на нем в темных очках и панамке. Похоже, дамочка летала в Нью-Йорк и там приобрела сувенирный значок вкупе с поддельным документом. Такие наборы продают туристам, в придачу к ним можно купить кепку, жилет, куртку, футболку с надписью FBI, Police. Около продавца стоит фотобудка, делаешь снимок, отдаешь его веселому афроамериканцу, и через пару секунд ты уже сотрудник ЦРУ или ФБР. Гуляющая по центру города толпа иностранцев охотно приобретает такую ерунду на память. Почему у Сони произошла путаница? Значок одного ведомства, а удостоверение другого? Ну это же уличные торговцы, они часто ошибаются. Этим летом мы с Максом ездили в Париж, и я приобрела на берегу Сены магнит в виде картины Леонардо да Винчи «Мона Лиза». Купила я его по одной причине: на «холсте» имя автора было написано в самом низу мелкими буквами: «Ван Гог». Этот товар первым увидел Макс и чуть не скончался от смеха. Теперь магнит висит у нас на холодильнике, и каждый раз, наткнувшись на него взглядом, я начинаю хихикать.

– Убедилась? – спросила Софья.

Я кивнула и хотела объяснить, что ее «документы» не прошли проверку, но тут Гурманова сказала:

– Елену ночью зарезали.

– Ошибаешься, – возразила я, – она жива. Я видела, вернее, слышала, как ее на «Скорой» увозили в больницу.

– И что сказал врач? – полюбопытствовала моя собеседница.

– Вроде операцию ей делать будут, – объяснила я, – подробностей не знаю. Случайно свидетельницей разговора мужа с доктором стала, вопросы не задавала.

Софья почесала макушку.

– Оперативное вмешательство – дело долгое. Пока то да се, вечер наступит. Муж около Лены осядет, домой заявится нескоро. Дураки с Ириной на автобусе укатят. В замке лишь тупая прислуга останется. Что она делает, когда нанимателей нет? Первым делом устраивается на кухне чай пить, жрет хозяйские запасы, сплетничает. Мы ничем не рискуем. Пошли.

– Куда? – уточнила я.

«Детектив» понизила голос:

– Елена вчера здоровее лошади выглядела. На что угодно спорить готова, ее убить собирались, но она живучая, как кошка.

Я села в кресло.

– Почему ты решила, что кто-то хотел Елену лишить жизни?

– Не задавай вопросов, – огрызнулась Гурманова, – пошли. Ты обязана агенту Интерпола помогать.

– Нет, – возразила я, – изволь объяснить, в чем дело. В противном случае я с места не сдвинусь.

Софья опустилась на кровать.

– Ладно. В наше отделение Интерпола обратился мужчина по имени Серж Мозер. Он разбирал после смерти отца бумаги и нашел письмо от Мартины Хансон. В нем женщина сообщала, что оставляет замок Олаф, земли, принадлежащие семье, и все состояние его отцу Гектору Мозеру из Австралии. А в случае смерти

оного – сыну покойного. Завещание спрятано в замке в спальне Мартины, его надо найти, предъявить куда следует и стать богатым.

– Из Австралии, – повторила я, – ага.

София решила объяснить глупой Лампе, что к чему.

– Есть такое государство, находится на отдельном континенте, очень далеко, лететь туда надо почти сутки. Там живут коалы, кенгуру, разные другие звери, еще аборигены.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Бубикопф – голова мальчика, от немецких слов der Bubbe – мальчишка и der Kopf – голова.

2

О детстве Евлампии Романовой рассказано в книге Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника».

Купить: https://tellnovel.com/ru/darya-doncova/korporativ-korolevskoy-dinastii

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить